

The book cover features a close-up, split-face portrait of a man and a woman. The man's face is on the left, with light brown hair and eyes, looking slightly down. The woman's face is on the right, with dark hair and striking blue eyes, looking directly at the viewer. A thick, vertical red line, resembling a bloodstain or a tear, runs down the center of the image, separating the two faces. Numerous smaller red blood splatters of various sizes are scattered across the entire cover, particularly concentrated around the central line and the faces. The overall tone is dark and mysterious.

НАТАЛЬЯ МАР

16+

ЛИБЕЛЛОМАНИЯ

Кайнорт Бритц

Наталья Мар
Либелломания

«Автор»

2021

Мар Н.

Либелломания / Н. Мар — «Автор», 2021 — (Кайнорт Бритц)

После пяти лет чудовищного рабства пауки едва уживаются бок о бок с насекомыми. В мире, свободном пока только на бумаге. Насекомые заняли города, пауки изгнаны в отшельфы. Кайнорт Бритц не изменяет стилю: опальный авантюрист, отец-одиночка и породистый аристократ с биполярным расстройством обуви. Он держит бордель в центре города, но в пику здравому смыслу принимает на грязную работу только насекомых. Поэтому его ненавидят и свои, и чужие. Эмбер Лау плохо прячется и жива только потому, что Кайнорт плохо ищет. Но Урюи грозит новая катастрофа, а насекомые в ответе за тех, кого захватили. Между «Либеллофобией» и «Либелломанией» хронологически происходят события дилогии «Железный Аспид». И этим объясняются некоторые изменения в жизни пауков и насекомых, которые могут несколько удивить на первый взгляд.

© Мар Н., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Свет и воздух	6
Глава 2. Рабы на галетах	15
Глава 3. Урок, не предусмотренный расписанием	22
Глава 4. М	30
Глава 5. Битый пиксель	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Наталья Мар

Либелломания

Пролог

Я ненавижу своё превращение в прекрасного принца.

Мне бы больше понравилось, если бы красавица полюбила чудовище...

Жан Марэ

Эмбер поскользнулась на крови и упала. Она не вскрикнула: резкие звуки раздражали Бритца. Он обратился стрекозой, накрыл добычу трёхметровым шипастым телом и поволок в угол. Они были у него дома. Пол усеяли разгромленные этажерки, разбитые капсулы с книгами, черепки разбитой посуды из мрамонта и осколки белых ваз. Ковёр восхитительного ворса из имитации барса валялся, сбитый в бесформенную грудку. Эмбер сопротивлялась, но в ошейнике рабыни превратиться не могла. И защититься тоже: воды в доме не было, просто ни молекулы, эзер и это предусмотрел. Он продумал вообще всё. Если студень из ненависти хранить в тёмном прохладном месте семьсот девяносто девять дней, пять часов, восемнадцать минут и три секунды, он концентрируется настолько, что супермассивная чёрная месь внутри обретает свой собственный интеллект.

Жвала сомкнулись на горле Эмбер, попробовали крови, но не добились. Рано. Это ещё только прелюдия. А что, если мучить её ровно семьсот девяносто девять дней, пять часов, восемнадцать минут прежде, чем придушить кишками? Три секунды – так уж и быть – он ей простит. Эта мысль его развеселила. Забавно было, что в последний раз Бритц смеялся в это же самое лицо со шрамами там, на дне казематов Кармина. Как они долго не виделись... Она, конечно, успела отрастить волосы. Которым тоже найдётся применение. Он сжал тельце в чёрных лапах и сдавил, разрывая одежду, ломая рёбра. Одно пробилось наружу сквозь кожу и шёлковую кофточку. Когда Эмбер принялась визжать, до или после?.. У Бритца заныли семнадцать зубов, просверленные накануне в бесплатной клинике для ветеранов. Пришлось затолкать в глотку мерзавке-шчере её же косу. Но Эмбер булькнула, откашлялась и опять закричала. Громко! На три голоса, два из которых он прервал собственноручно в красных коридорах. Нет, тише. Волна панического страха швыряла сердце от желудка к горлу. Помилуй, ещё тише. Кто кого убивает, лапочка, ты ничего не перепутала? И Кайнорт, зажав голову шчеры в передних лапах, принялся колотить ею об угол. Он бил, пока затылок не стал месивом цвета вишневого варенья. Эзер превратился в человека. Он задыхался. Устал. Но это была приятная усталость. Бритц поднялся и обошёл комнату по кругу, не сводя придирчивого взгляда от своей поделки. А потом упал верхом на тело, изгибавшееся в конвульсиях и пене, и выкинул из рукава любимый керамбит.

Да ну эти цивилизованные штучки. Он будет рвать её прямо так. Зубами. Кайнорт сардонически улыбнулся и, нащупав еле живую артерию на шее Эмбер, провёл языком по клыкку. Он никогда раньше не задирает равного с таким упоением. Хотя и не признавал равным никого из пауков до неё. Мясо Эмбер Лау было нежным, как суфле, а кровь – сладкой.

Часть 1. Время разбрасывать

Глава 1. Свет и воздух

Oh girl, we are the same
We are young and lost and so afraid
V. Valo

Доктор Штрембл Шпай, главный врач-психиатр НИИ Современных Технологий Единого Реестра Исследовательской Космической Армии, остановился у пси-блока, чтобы освежить в памяти результаты утренней экспертизы. Шпай был маленький и щуплый брюнет, пряткий и с оживлёнными усиками под стать своему имажо. Наконец он взглянул в белые глаза коллеги, который подавал отчёты один за другим и ждал приговора.

– Ничего из ряда вон.

– Ничего? – изумился коллега. – Да это же ч-чёрт знает что за показатели. Поверьте, я знаю его лучше и дольше.

Но Шпай отмахнулся:

– Он подписал отказ от ваших услуг, Верманд. И я тоже считаю, что вы не вправе...

– Я вам клянусь, у него же все катушки раскатились.

– Это смешно. Какие катушки, минори, вы врач или закройщик?

– Простите. Но статус пациента очевиден и без этих ваших... наших.

– Без психолого-психиатрической экспертизы? – возмутился Шпай. – Вы же сами психиатр, вы учёный. Стыдно.

У Верманда от бессилия ком подкатил к горлу. Ещё минуту назад он был уверен, что спорить тут просто не о чем.

– Пустите меня к нему.

– Он же подписал! – фальцетом отрезал Шпай. – Это нарушение протокола. Вы бы лучше занялись персоналом: тут проверка из Психиатрического Альянса Равнокрылых Аналитиков Насекомьего Объединения Инспекционных Комиссий. А утром кто-то – само собой, из пауков-лаборантов, – забросил крысу в свежую партию крови.

– О.

– Найти и утопить.

– Так ведь крыса же уже.

– Вы меня поняли. Не хватало нам тут бунтарей.

Хлопок дверью едва не стоил Верманду благородного носа.

* * *

На сгруженных, испачканных кровью паласах лежал обезображенный труп. Пациент на четвереньках – как зверь, как падальщик, – намеревался выкусить добыче глаз прямо из глазницы, когда вошёл Шпай. Настолько естественными были хищная поза и голодное урчание, что даже цивилизованная одежда на пациенте казалась в тот момент чем-то инородным.

– Продолжим, минори Бритц? – учтиво приподнял брови доктор.

Кайнорт потушил взгляд, без заминки поднялся и смахнул цифровую кровь с губ. Расправил складки рубашки, отряхнул брюки от щепок переломанной резной табуретки, о которую швырял копию Эмбер. Зажав в зубах резинку, собрал отросшие за два года волнистые пряди на затылке и стянул в аккуратную петлю *top knot*. После бесплатного дантиста он предпочёл дожидаться частного парикмахера, чего бы это ни стоило.

– Вернуть здесь всё как было утром? – спросил он ровно.

– Если вам так будет комфортнее беседовать, – радушно развёл руками Шпай. – Чувствуйте себя как дома. При условии, что не будете отвлекаться на труп.

– Да нет. Я уже всё.

Они уселись по разные стороны стеклянного рабочего стола с трещиной посередине. Труп исчез. Только внушительное пятно крови осталось набухать на потолке. Точно над столом, где Шпай раскладывал тесты. Во время диагностики пациенты не управляли обстановкой пси-блока. Они лишь получали возможность увидеть воочию, потрогать и прочувствовать себя изнутри. Сокровенные желания, постыдные страхи, крайние формы безумия оживали в пси-блоке в виде причудливых многомерных голограмм дополненной реальности. Они не могли причинить физического вреда. Правда, немногие опытные психологи умели ненадолго изменить детали. Но в целом комната с поразительной точностью отражала внутреннее состояние пациента и помогала доктору буквально видеть, что творится в чужой голове. В голове Кайнорта Бритца поочерёдно творились то кровоточащий хаос, то серый вакуум.

Доктор гадал, в каких тестах испытуемый наврал нарочно, в каких рефлексивно, какие имитировал, а в каких развлекался. По широким от адреналина зрачкам доктор понял, что Бритц большей частью не здесь и не сейчас.

– Вы сложный клиент, минори, – Шпай избегал слова «пациент» в разговоре тет-а-тет. – Вы знаете, как отвечать, чтобы добиться своего, и в графе оценки мышления мне пришлось ставить прочерк. В начале – пик общего интеллекта и впадина эмоционального. А дальше всё выглядит так, будто у вас вовсе нет личности. Под оболочкой ледяного ума нет вас. Нету! Absentia.

Он развернул гигантский по длине профиль многофакторной диагностики, где график результатов был ровный, как линия кардиограммы мертвеца. С потолка на профиль капнула кровь. Две, три капельки. Одна средняя. И большая капля.

– Я не знаю, что сказать, – признался Бритц.

Доктор Шпай кивнул на столешницу:

– На что, по-вашему, похоже это пятно?

– На будущее.

– Чьё? Эмбер Лау?

– Моё. Или Ваше. Не важно. По статистике причиной окончательной смерти половины эзеров является сожжение, другой половины – разрывание тела на куски. С равной долей вероятности после меня останется или пепел, или кровь. А пятьдесят процентов – вероятность довольно высокая. И если откровенно, умирая, я предпочёл бы не рассыпать пепел, а пролить кровь. В ней есть что-то живое.

Он говорил о смерти, о чужой, о собственной, как об искусстве игры на бирже. Не отрываясь от пятна на столе. Провозглашая этот шлепок крови оптимистичным будущим, парадокс которого на первый взгляд нечем было крыть. Потому что доктор тоже был эзером. Тараканом, который закончит кровью или пеплом. Хотя тараканы в среднем жили дольше других насекомых, потому что были очень, очень разумны. Он молчал на секунду дольше, чем следовало, и Бритц успел вставить:

– С другой стороны, есть ещё армалюкс. Этот и пепла не оставит.

– А по-моему, любое пятно похоже на жорвела, кситского слизня, – обезоруживающе улыбнулся доктор. – Знаете, даже есть такое расстройство: жорвел-синдром. Встретив эту тварь лишь раз, пациент пугается всякой бесформенной кучи, его тревожат размытые пятна. Да... Да, а почему в пси-блоке исчезло окно?

– Оно нервирует. В тюрьме я отвык от света и воздуха.

А ещё от людей и еды. За всё время с момента освобождения – а шла уже третья неделя – Бритц глотал исключительно кровь и капсулы сбалансированного питания. И только по напоминанию врачей. Его выворачивало от вида нормальной пищи, на которую обычно со слезами на глазах набрасываются пленные. В казематах Бритца кормили насильно через зонд, и теперь он из принципа смотреть не мог в тарелку. Он был тощий, с огрызками крыльев и красными от напряжения глазами, сквозь алебастровую кожу проступали синие и красные сосуды.

– Почему вы именно так выразились – «в тюрьме»? – Шпай откинулся на спинку кресла. – Почему не «в плену»? Разве вы считаете, что заслужили эти два с лишним года мучений?

На стол пролилось ещё крови и шмякнулся кусок сырой печени. Бритц не отзеркалил позу доктора, так и сидел с прямой спиной. Даже поясницу не расслабил. Он уже открыл рот, чтобы ответить, но прижал ладонь ко рту и прикрыл глаза:

– Простите, зубы.

– Ах да. Семнадцать штук разом в перевалочном медпункте. Как же там... «Делаем красиво и больно». А как вы добрались до НИИ?

– Простите?

– Почему вы постоянно извиняетесь? – Шпай предпринял последнюю попытку и перешёл в наступление, наклонившись к столу, но Бритц опять не сменил позы. – Как вы добрались от базы на имперско-карминской границе до этого кабинета? Поподробнее, если не затруднит.

– Гломеридой пограничного ведомства меня доставили из госпиталя в ближайший штаб эзеров на территории Звёздного Альянса, там я получил копию решения трибунала, двух новых рабов от службы соцподдержки...

– Новых?

– Взамен первых, которых я убил во время кормёжки на пограничной базе.

– А. Продолжайте.

– Двух новых рабов и триста зерпий, которые три года назад занял у меня судья, и пересел на попутный астроцит.

– Прямым рейсом добирались?

– С пересадками: за одного раба – на почтовом планетолёте, зайцем на грузопассажирском солнечном паруснике, наконец на нимбулупе от спутника к планете. И знаете что? Зря мы

украли у имперцев эту технологию: в нимбулупе страшно тошнит. Всё. А, нет, не всё. Вы же просили «до этого кабинета». – Бритц перевёл дух, потому что уставал пока от необходимости вести беседу. – Дальше отдал рабыню в уплату трансфера на орникоптере от космопорта до города, а там – пешком. Я же понимаю, куда Вы клоните, доктор. По дороге мне пришлось взаимодействовать с людьми, но нет, эксцессов почему-то не случилось. Я бы и рад соврать, но в системе перелётов всюду камеры, и Вы легко перепроверите мои показания.

– Не показания, минори, – поправил Шпай. – Вы не под арестом, это беседа. Диагностическая беседа. И вам положен высший балл по социальной адаптации, ибо сам я не одолел бы и половины пути, имея даже триста тысяч зерпий. А почему вы не воспользовались помощью друзей? В конце концов, Верманда? Зачем это всё?

– Это часть диагностики. Следовало узнать, насколько я дезадаптирован.

– Получается, вы в норме, раз добрались без приключений.

– Вы меня на этом не подловите, – на лице Кайнорта мелькнула и пропала тень улыбки. – Нормальный человек не отправился бы пешком по галактике без гроша.

– А разве не психологи утверждают, что норма – это всё, что не мешает жить среди людей?

Сильнее, чем о собственном дипломе, Кайнорт жалел, что не догадался запороть тест на общий интеллект этим утром. Задания вызвали зачаток энтузиазма, профессионального интереса из прошлой жизни. Но сегодня он понял, что просчитался. Надо было распустить слюни по плечам.

– Мешает. Я же убил двух людей.

– Вы лукавите: речь была о рабах, кажется.

– Но мы в ответе за тех, кого захватили.

– В некотором смысле да, но...

– А я убил их, просто выбрав путь наименьшего сопротивления. Одному прокусил артерию, потому что так быстрее. Вы можете возразить, что я не пил живой крови два года, и потерять берега разок – это нормально. Но. Вторая закричала, и я свернул ей шею. И выпил мёртвую досуха. Меня нужно изолировать, – в его взгляде вспыхнуло безумие или отчаяние, или то и другое вместе. – Если не помочь, то хотя бы оградить от меня внешний мир, понимаете?

– Любая жизнь имеет некоторую ценность. Но мы не помещаем людей в лечебницы за убийство раба. Они хрупкие, их убивают на каждом шагу. Всякое случается.

– Случается с другими, со мной ещё никогда. Я убивал солдат, в основном противника, иногда – своих, чаще нарочно, реже – случайно. Случалось, убивал равных из мести. Не возмусь утверждать о годах между двадцатью и пятьюдесятью, но после мои рабы умирали естественной смертью, по недосмотру или недоразумению, но никогда – для моего удовольствия. А теперь мне плевать вообще на всех, но я... пока ещё... понимаю, что это неправильно. Или правильно? Не знаю, – его голос садился с непривычки, и Бритц закончил тираду зловещим полушёпотом: – Я ничего не чувствую, не управляю этим, не сопереживаю и не стыжусь. Я психопат, и мне это начинает нравиться.

– Кого вы так боитесь убить?

Зрачки напротив сузились. Шпай дёрнул бровью и полистал личное дело клиента, чтобы не встречаться взглядом с этими белыми, блестящими от бессонницы фонарями.

– А вы заметили, что, когда я назвал имя Эмбер Лау, вы и ухом не повели? Не дрогнул ни один психофизический показатель, – доктор развернул к нему свой планшет. – Не капнуло и крови с потолка. Ни-и-и капельки. Настоящий триггер невозможно игнорировать. Вы реагируете не на Эмбер Лау, а только на мысли о её смерти.

– Не знаю, что на это ответить.

– Я лишь спросил, заметили ли вы.

– Не заметил.

– Прекратите врать, если уж пришли за помощью. Только не извиняйтесь опять! И раз уж мы заговорили о будущем... Вас признали виновным в создании Прайда Сокрушителей, – напомнил доктор, – и в подрыве вторжения армии эзеров на Урюю. Вы признались и рассказали?

– Нет. По правде, меня никто и не спрашивал. Выдали материалы дела и приговор. Эзер-сейм заключил, что многочисленные улики подтвердили мою вину.

– Планируете оспаривать решение трибунала?

– Не знаю. Прошло два года, все возможные и невозможные концы давно утеряны.

– Если вознамеритесь подавать апелляцию, запись этой беседы, – доктор постучал ногом по комму за ухом, – сыграет против вас, минори. Вы без задней мысли называете рабов людьми и приравниваете ценность их жизни к нашей. Это ли не постулаты Прайда Сокрушителей?

– Любой ответ закопает меня, да?

– Я объясню, что происходит. Прайд сослужил отвратительную службу шчерам: последние два года эзер-сейм отлавливает тех немногих, кто сочувствовал сокрушителям, но не выдавал их. Знаете, как их вычисляют? По владению октавиаром и отношению к рабам. Вы меня понимаете? Вас не казнили только потому, что все улики были косвенные. Но я обязан докладывать о подобных оговорках, тем более в вашем случае, но в моей власти списать их на аффект. Если он больше не повторится.

Кайнорт сложил руки на столе и опустил на них голову. Он терпел поражение. И в чём? В попытке упечь себя в психушку. Между ним и доктором с потолка пролился целый стакан крови и следом ещё один. Шпай невозмутимо отряхнулся:

– Трибуналом вас лишили званий, наград, привилегий. Арестовали счета, недвижимость и даже фондовые доли. Вы в списках нон грата всех крупных фирм. На что вы планируете жить, минори Бритц?

– На довольствие, которое положено сумасшедшим в закрытых учреждениях, доктор, – буркнул он, не поднимая головы.

– А представим на секунду, что вы выйдете отсюда свободным человеком?

Бритц взглядом отправил доктору корпускулу неодобрения, которое вырабатывается исключительно при раздражении презрительной железы у высшего сословия:

– Я не раз стартовал в гораздо худших условиях. Минори умеют добывать средства к существованию, работая если не головой, то, на худой конец, лопатой или половой тряпкой. Но настоятельно не рекомендую выпускать меня отсюда. Лет тридцать.

– Кого вы так боитесь убить? – с нажимом повторил Шпай.

– В данный момент – Вас.

– Вы начали показывать зубы – это хороший признак. Альда Хокс указала в сопроводительном письме, что у неё есть для вас работа.

– Вся её работа связана с оружием, – возразил Кайнорт. – А я и без оружия не выдерживаю никакой критики. Вы сами всё видели.

– Сегодня я видел, как вы убивали виртуальную рабыню, зная, что она не настоящая. А вчера – как мой ассистент сдирал с меня кожу. А завтра на этом самом месте лидмейстер будет трахать копию мамочки. Продолжать? Пси-блок занятная штука, минори. Самый чистоплюйский аудитор носа сюда не сунет из страха, что комната вывернет его наизнанку, а я посмотрю. Вы загрызли шчеру... Вы загрызли шчеру! Да вы тут самый адекватный. Если не считать биполярного расстройства вашей обуви.

Кайнорт поднялся и подошёл к уцелевшему журнальному столику в углу. Налил воды из графина и выпил. Некоторое время он обдумывал, как же это чудно: свободно встать и налить себе воды. Несвязанными руками. И пить её вот так, холодную и свежую, из стакана, а не получать по гастростомической трубке или внутривенному катетеру. А у Эмбер Лау есть теперь чистая вода? А позволено ли ей пить сколько захочет? Кайнорт кашлянул, подавившись.

– Мне что же, на стол Вам помочиться, чтобы доказать, что я псих?

Шпай, моментально оживившись, одним махом сбросил на пол планшеты и графики и переставил кофейную кружку в самый центр.

– Попробуйте! – горячо подхватил он. – Валяйте, обоссайте мне стол! Ах да, вы использовали более культурный оборот речи для этой выходки... Кстати, почему? А я отвечаю: потому что единственный доступный вам хулиганский протест – это деление на ноль в общественном месте. Так?

– Так.

Обессиленный, Бритц опустился на пол и прислонился к стене, не выпуская пустого стакана. Красное пятно переползло за ним по потолку от стола в угол и заплакало кровью на кеды. Кайнорт машинально подставил стакан.

– Вы хороший психиатр. Да... Пожалуйста, можно мне другого?

– Минори Бритц, послушайте, – доктор встал над ним и как по волшебству сменил тон и тембр. – Вы нездоровы, это бесспорно. У вас сильнейшее душевное истощение, и я не знаю, сможете ли вы когда-нибудь вернуться к тому уровню эмоционального развития, который показывали старые тесты. Но этот шок, этот ступор нужно лечить жизнью, а не четырьмя стенами. Лечебница станет для вас гробницей. Вы просто не захотите выбираться из неё.

– Так это же прекрасно.

– Прекрасно – на улице! Среднегодовая температура как в райском предбаннике. Я в первый раз увидел – решил, что умер, должно быть. Здесь двадцать пять часов в сутках и восемь дней в неделе: мечта, а не местечко. Вы хоть успели разглядеть Урюи? Хоть кусочек того, за что боролись? Такое пространство! А? Нет? Я выпишу вам препараты. Хорошие. Много. Прощайте.

Бритц сидел один без движения какое-то время. За белой стеной, с которой он стёр окно, сиреневые горы хвастались шапками снега, а долину за городом дразнили солнечные зайчики и обнимала радуга. Кайнорт знал, что они там, он чувствовал их, представлял слишком ясно и ненавидел. Кто-то отворил дверь пси-блока. Эзер в белом халате протяжно вздохнул, прошёл в угол и сел на пол бок о бок с пациентом. Что-то звякнуло и чпокнуло.

– Нести чушь – это талант, – Верманд поднял безвольную руку Бритца со стаканом и налил туда вина.

– Я нёс.

– Почему ты убрал труп Эмбер Лау?

– Боюсь трупов.

– Ладно, допустим. Слушай. Выйди отсюда и докажи, что Шпай ошибается. Разорви трёх-четырёх рабов на невольничьем аукционе. Это тут, неподалёку. Будет порча чужого имущества, назначат повторную экспертизу. А уж если эзера убьёшь...

– Вер, я пытаюсь лечь в психушку, чтобы не убивать, а ты предлагаешь мне убивать, чтобы лечь в психушку. Что у тебя было по логике?

– Тройка, – весело ответил Верманд. – Не хочешь убивать – устрой ограбление. Нанеси увечья. Уничтожь произведение искусства, сожги музей. Разбей, взорви, затопи. Мне тебя учить?

– Не обижайся, можно увидеть твою лицензию на этот год?

Рассмеявшись, Верманд поднялся с пола. Они с Кайнортом были похожи, словно одного и того же человека нарисовали разные художники в разные годы уникальным стилем. Весельчак и зануда, гедонист и перфекционист, психиатр и психолог. Стрекоза и муравей. Верманд показал на стол:

– Знаешь, на что похоже это пятно? На то пятно, ну? Когда я хотел тайком отпить из папиного бокала и пролил вино на ковёр. Помнишь?

– Нет. Ты постоянно что-то проливал.

– И когда папа спросил, кто посмел, я дико струсил. Это был чудовищно дорогой ковёр. Папа обводил гостиную взглядом, от которого всем хотелось провалиться сквозь землю. А ты вдруг ляпнул: «Это я». Ты уже в одиннадцать понимал, что тебя любят больше, только пользовался этим неправильно. А дед дал тебе затрещину, усмехнулся и спросил: «Что ж ты, бестолочь, не догадался свалить на горничную?», и за это всыпал тебе ещё. Ну, помнишь?

– Это когда спустя полчаса восторжествовала справедливость.

– Да, только не в том, что меня убила собственная мать, – Верманд говорил о ней словно о вчерашнем дожде, от которого уже успел просохнуть, потому что не был хорошим психиатром, а был лучшим. – Мы же хотели запускать тот фейерверк вместе, но ты весь вечер оттирал ковёр. Получается, тебя спасла твоя смелость, та самая, которая обычно выходила боком. Так вот, смотрю я на это пятно и думаю: ублюдочный Шпай прав. Тебе надо наружу. А я добавлю: надо идти до конца. Найди Эмбер Лау.

– Вер! Я пытаюсь! Лечь! В психушку! Чтобы не...

– Найди Эмбер Лау, – брат повысил голос, перебивая, – сразись на равных, победи или проиграй, но поставь точку.

Кайнорт опрокинул вино залпом. Опрометчиво. Это было Шмелье руж. Призрак прошлого коснулся Бритца, игриво проведя ладонью от плеча к плечу и вниз по пуговкам рубашки.

– Ну. Уж. Нет.

– Тогда не представляю, сколько трупов ты оставишь на своём пути, прежде чем вернёшься к норме. Но запирать тебя я не буду.

– Предатель.

– Смею ли я надеяться, что выкуплю назад твоё расположение подарком в миллион зерпий на первое время?

– Сам найдёшь ошибку в своём предложении? Тысячу зерпий давай. За урок логики.

Кайнорт закрыл глаза. Стены комнаты посерели. Погас свет. Один за другим исчезли обломки мебели и сбитые ковры, стёрлись следы смертельной драки, рассосалась кровь. Верманд отсчитал тысячу зерпий наличкой и затронул то, на что, строго говоря, следовало наложить табу:

– Мне жаль Марраду, Кай.

– И мне жаль Марраду.

Слишком быстро ответил. Слишком ровно.

* * *

Верманд оставил брата наедине с пустым стаканом в пустой комнате. Она приняла вид серой коробки с неподвижным пациентом, живым и мёртвым одновременно. Верманд даже постучал по индикаторам пси-блока, проверяя, не сломался ли тот под воздействием Кайнорта. Как многие другие вещи и люди.

– А, это опять вы! – Шпай поймал его за рукав в коридоре. – Нашли виноватого? В утренней крысе.

– Это был я.

– То есть? Вы это что это, из этих?!

– Да нет же! Там... – он потёр виски, нагоняя крови к височно-теменному стыку, отвечающему за враньё. – Это вышло... случайно, понимаете, крыса... сбежала из клетки, а я открыл холодильник с кровью, а она такая бежала-бежала, и...

– Чёрт знает что, доктор Бритц, я лишаю вас годовой премии.

Шпай махнул на него планшетами и ушёл. Выдыхая, Верманд услышал смешок своей ассистентки:

– Не догадались свалить на лаборанта-шчера?

* * *

Кайнорт сидел в сквере Психиатрической Ассамблеи Научных Изысканий Катастрофических Аффектов с длинным списком медикаментов. Пенелопа обещала, что мигом достанет всё. Через час она примчалась с целым аптечным складом наперевес. Капсулы следовало помещать в специальные вестулы, сродни чипам, в которых хранилась одежда эзеров, и по утрам крепить к позвоночнику. Дозы поступали в кровь в течение дня.

– Ты уверен, что всё это тебе нужно? – спросила Пенелопа, глядя на разнообразие цвета и форм препаратов.

– В крайнем случае выложу из таблеток мозаичный пол.

Вокруг было столько света, что темнело в глазах, и столько воздуха, что он обжигал лёгкие. После двух лет в подвале у Бритца развилась агорафобия. Он не мог смотреть на этот тёплый и свежий рай, который теперь принадлежал эзерам. Ему принадлежал. Его мечты сбылись, планета оказалась восхитительнее, чем в докладах разведчиков. В сквере росли спиральные пальмы с люминесцентными воздушными корнями. За углом был парк с паутиной узких прогулочных дорожек и тёмная аллея, над которой смыкались пёстрые кроны. Вдалеке высились многоэтажки делового центра, и лентиккулярные облака делили небоскрёбы надвое. В ультра-мариновое небо взлетали электромеханические птицы с пассажирами в брюхе, парили на невидимых энергопроводах, иногда отцеплялись, чтобы спланировать вниз, а потом поднимались снова. Пауки, которым позволяли свободно передвигаться в пределах городов, где сосредоточились насекомые, были исключительно чьими-то ши. Остальных шчеров расселили по гетто и резервациям подальше от центров новой власти. Так решили на первое время, чтобы усилить контроль и не допустить мятежей, и первое время растянулось на пару лет. А месяца два назад эзеры разжились пленным имперским адмиралом и вскоре обменяли его на Кайнорта. Эзер-сейм был против выкупа опального маршала, но ассамблея минори продавала именно эту сделку. Минори своих не бросали. Даже предателей. Положение фигуранта дела о госизмене было немногим лучше, чем у раба. Раб мог получить еду в обмен на кровь. Свободному человеку для этого приходилось ехать на собеседование в отдел продаж.

Кайнорт накинул капюшон и провёл кончиком пальца по брови, затемняя терапевтические линзы. Он также снизил цветность и сузил границы поля зрения. И сосредоточился на звуке фонтана: на вершине его сидел гипсовый паук, у которого откололи две лапы. Но он всё равно не стал похож на жука. Пульс чуть-чуть успокоился. На выходе из сквера полуслепой от линз Бритц столкнулся с чьей-то ши, и пока девушка рассыпалась в извинениях, ему казалось, что он сам вот-вот упадёт в обморок. Теперь он мог измерять расстояния на Урюи в панических атаках.

Кайнорт развернул комм и поискал два адреса на карте. Тот, по которому его ждали на собеседование, и тот, по которому его уже никто не ждал. До первого было три панических приступа, до второго всего один. Но это был адрес Ёрля Ежа – а он умер. Старик резко сдал после Кармина. Одряхлел, растаял. Несмотря на поддержку Пенелопы, Круса и Верманда и на все старания доктора Изи, Ёж не дожил всего месяц до возвращения Кайнорта. Серое ничто заворачивалось внутри у Бритца, пробрало до мурашек, и он вызвал орникоптер до первого адреса.

Он не позволил Пенелопе добросить его, словно инвалида.

– Я прилетел сюда за тридевять галактик, моя дорогая.

– Но это не то же самое. В космосе нет открытых пространств.

Это была правда. Неделью Бритц провёл в консервных банках одиночных кают, в душных полутёмных шлюзах. Вот и весь секрет успеха. Но у него был ещё один. И он возразил Пенелопе так:

– Уж если Эмбер Лау на своих худеньких, как у оленёнка, ножках добралась из бункера в Гранай через пустыню, скитаясь в темноте и пепельных бурях, то неужели Кайнорт Бритц не доберётся на такси в другой конец города?

– Эмбер круче тебя, – равнодушно парировала Пенелопа.

Кайнорт не обиделся, но всё-таки отправился один. Водителем был шчер с набухшим пластырем на шее. Голодный эзер почуял смесь из запахов крови, анестетика и антисептика и задёрнул сетчатую шторку между собой и пауком. Он рассудил, что неразумно убивать водителя прямо в воздухе, пока не отросли свои крылья. С этой логикой тоже было что-то не так, но какая разница, если она сохранила сразу две жизни?

Глава 2. Рабы на галетах

На сотом этаже небоскрёба фирмы Galettensklaven на окраине города Миргизы в лифт к Бритцу зашла рабыня. Щерам запрещалось смотреть в глаза эзерам без разрешения.

– Мне приказано вас проводить, – поклонилась она не глядя.

Рабыня осталась у самой двери, отвернулась и уставилась на свои туфли. Кайнорт заметил, что ключи в её руке торчат между пальцами. Судя по всему, она привыкла брать их так прежде, чем вызывать лифт. Прозрачная кабинка повезла их наверх, потом вперёд, назад, по кругу и снова наверх, но уже по спирали. Мимо громадных пищевых принтеров, разнокалиберных труб и чанов. Двухметровые мухи сновали над горстками рабов в серых комбинезонах. По стёклам и потолку ползали роботы-курьеры с яркими упаковками готовой продукции. Шарфик девушки промок от пота, хотя эзер не двигался в дальнем углу. Эта ши наверняка знала о формальном праве защищаться от любого, кроме хозяина, и тех, кому приспичило после инкарнации. Но не могла не знать и реального положения дел, когда слово эзера перевешивало многократно. Кто станет проверять, если таракан заявит, что инкарнировал пять минут назад? Но готовность выколоть глаза любому не берётся из ниоткуда. Такая безысходная отчаянность подтолкнула Бритца припомнить её голос. Он шагнул ближе и, выпростав чёрную лапищу над плечом рабыни, остановил лифт. В нос ударил чужой адреналин. Бритц перехватил взметнувшуюся руку:

– Язава, я думал, что подписал вольные на весь домен ещё на Кармине.

– Минори Бритц! – забавно, с каким облегчением прозвучала его фамилия. – А я вас чуть не пырнула.

– Ты притащила привычку быть настороже с той же войны, что и я свою скорость реакции. Плохо выглядишь, просто ужас.

– И вы. А зачем вы здесь?

– А ты?

Она расслабила плечи, встала ближе и спрятала «оружие» в кармашек.

– Чтобы ноги не протянуть. У нас большая семья в отшельфе. Вы же перекрыли там все коммуникации, зарезали всякую возможность честно работать, вот им и пришлось опять продать меня в город. Ши с образованием здесь платят в арахмах. Я им пересылаю. Эзерглёсс я хорошо знаю, а до войны выучилась на перспективного технолога. Теперь вот, видите, пригдилось. И рабыней я уже была... – стало ясно, что именно послужило решающим аргументом, чтобы выбор пал на Язаву.

Они поехали выше. Почему-то, когда Язава перестала бояться эзера рядом, тот почувствовал, что, кажется, наверное, возможно, хотя не точно, но вроде как не смог бы её убить ни при каких обстоятельствах. Но заставил себя проиграть этот сценарий в голове. Трижды. Пока сам не вспотел.

– Язава, посторонись! – в кабинку ворвался круглолицый эзер с пузом лунного диаметра. – Минори Бритц, я фервольт-анвербеншеф Звейг, приятно познакомиться.

Кайнорт понятия не имел, что из сказанного имя, а что должность этого не по фигуре энергичного менеджера с крыльями комнатной мухи. Они покатали наискосок над залом, который занимал три этажа в высоту.

– Наш завод, – начал экскурсию Звейг, – занимает лидирующие позиции в производстве полнорационных кормов для рабов. Сухих и консервированных.

Скелет аристократа напротив сверкнул идеальными резцами:

– Это мне подходит.

– У вас внушительное резюме, минори Бритц. Почему вы выбрали именно нашу компанию?

Кайнорт набрал побольше воздуха:

– Я мечтаю продавать, – признался он с такой страстью, словно звал фервольт-анвербен-шефа замуж. – А ваш завод занимает лидирующие позиции в производстве полнорационных кормов для рабов сухих и консервированных.

Язава за спиной хозяина опустила голову ниже, чтобы улыбнуться. Звейг продолжал, небрежно и заученно:

– Каково было ваше самое крупное достижение на последнем месте?

«Серьёзно? Я добыл для тебя этот небоскрёб, этого мало?»

– Я сохранил чувство юмора, – с самым мрачным выражением признался Бритц.

– Здесь оно вам пригодится. Чего вы ждёте от этой работы?

«Пятьсот зерний в месяц и повода изрезать тебе язык списком вопросов для собеседования...»

– Общения с людьми.

– Идеальный кандидат. Я покажу вам наше производство. Прошу наружу!

Звейг заметил, что Язава отстала на шаг дальше обычного, и выдернул её из лифта за ошейник при помощи электролассо. Пешеходная лента покатила их мимо конвейера. От склизких куч на нём так разило, что Бритц предпочёл бы ибрионские жабы вместо носа.

– Мы заключили контракт с мусоросортировочной станцией. Теперь все органические отходы поступают прямиком в наш цех. Здесь, – лунное пузо обернулось вокруг своей оси, – они стерилизуются, а после сыплются в дробилку, в парилку, в сушилку и – на ваш стол!

Он вручил новенькую консервную банку Бритцу, ожидая, видимо, что он тут же начнёт из неё есть.

– Прошу прощения, на *их* стол, – рассмеялся Звейг. – В ассортименте нашей фирмы корм для домашних и фермерских рабов, для рабов с аллергией на лактозу, для кастрированных, беременных, стариков с чувствительным пищеварением и даже детский мелкодисперсный корм без кожуры. Уже спустя год после открытия Galettensklaven смертность рабов в Миргизе, согласно отчётам крематориев, снизилась вдвое.

Они лавировали между прыткими мини-ботами, которые ездили по полу, развозя и раскладывая по коробкам упаковки с кормом.

– А дальше цех лакомств. Сюда-то нам и нужен галет-феркойфер, менеджер по продажам снеков для ши. Мы выпускаем печенье из овощных очистков, витаминизированные жаберные дольки, жмых с таурином и засахаренную требуху. Вот. Очень полезно для повышения железа в крови.

Звейг достал из заднего кармана горсть пупырчатых шариков и бросил под ноги Язава. Та принялась подбирать их, покрываясь пятнами под взглядом бывшего хозяина.

– Но в отходах почти нет белка, – засомневался Бритц, которого семьсот девяносто девять дней кормили мелкодисперсным дерьмом.

– Вы проницательны. Мы добавляем секретный ингредиент. Вы его обязательно узнаете, если успешно пройдёте испытательный срок. Но сначала вас примут на должность альгенферкойфера.

– Э...

– Я покажу.

Звейг подвёл кандидата к табло, на котором светились ступени головокружительного карьерного роста фирмы Galettensklaven. В самом низу напротив альгенферкойфера горела пиктограмма водорослей. Довольная креветка на второй ступени соответствовала гешефтгар-нелю. Через год стабильного перевыполнения плана продаж Кайнорту выпадал шанс подняться на ступень рядом с медузой-шваммляйтером.

– А всего через пять лет вас повысят до обергаупткрёбса галет-бюро, – Звейг указал на пиктограмму рачка на вершине планктонной пирамиды. – Пройдёте в мой кабинет. Язава, снимите-ка шарфик. Я скоро закончу.

Все стены в кабинете фервольт-анвербеншефа, безмерные плечи которого облегал пиджак с напылением металлик, занимали дипломы и похвальные грамоты за вклад в корпоративную культуру фирмы.

– Здесь указано, что вы сменили десятки мест, а последние два года вообще нигде не работали, – цокал Звейг, листая резюме объёмом в повесть. – В чём ваше преимущество перед другими кандидатами?

– В творческом подходе к продажам, господин фервольт-анвербеншеф.

– И где же вы его применяли, например?

– Ну, я как-то торговал складными крименганами для скрытого ношения. И бандиты, чтобы выбить скидку, жаловались, что оружие недостаточно малогабаритно для своей цены. По правде, я был с ними совершенно согласен, но идти на поводу не в моих правилах. Тогда я написал на входе в лавку, что если ствол крименгана в сложенном виде длиннее члена покупателя, то мы продадим его за триста зерпий. А если короче, то за пятьсот, что было даже чуть выше старой цены. И знаете, жалобы прекратились, а все крименганы ушли за пятьсот.

– Хм! – Звейг разразился смехом. – Я впечатлён! Но, видите ли, Galettensklaven – дело семейное, и владельцы традиционно отдают предпочтение мухам. К тому же, у нас ограничены квоты на найм минори. Мне нужно убедиться, что вы нам действительно подходите.

При этом он достал из нагрудного кармашка фирменную винтажную авторучку.

– Видите эти дипломы? Я отбираю только самых способных. Поэтому, – он отвинтил колпачок и вытряхнул стержень, – я усложню вам задачу. Продайте мне эту ручку.

– Это моя любимая часть.

Дальше Язава смогла воочию наблюдать скорость реакции, о которой говорил Бритц. Через три секунды Звейг был примотан широким скотчем к изголовью кресла, причём ленты накрепко заклепили ему нос и рот крест-накрест. А Кайнорт крутил в пальцах ручку без стержня:

– У Вас примерно минута, чтобы я успел провести трахеотомию в антисанитарных условиях. Итак, ручка? Или смерть от острой асфиксии?

Звейг краснел под скотчем, выпускал крылья и возил руками и лапами под столешницей в поисках кнопки вызова охраны. Пытался сдирать ленты с носа и рта... Но блестящие от пота ладони не слушались. Язава вжалась в стену с дипломами и закусил свой шарфик, чтобы не закричать. Звейг силился превратиться целиком, но мешали ужас и гипоксия, тогда попробовал встать, но не смог оторваться от кресла и только упал вместе с ним под стол.

Бритц ждал с дружелюбной улыбкой лучшего продавца месяца. Фервольт-анвербеншеф, уже фиолетовый, начал хлестать себя по пиджаку. Наконец оттуда выпал бумажник. Монетки раскатились по полу. Тогда острым концом корпуса ручки Кайнорт пробил Звейгу горло и протолкнул трубку в трахею. Послышался свистящий вдох, наружу брызнула кровь. Звейг со скотчем на лице хватался за кресло и судорожно всасывал ещё спасительного кислорода. Его мало поступало через ручку, но достаточно, чтобы дожить до охраны. Бритц поднял с пола монетку в ползерпии – примерную цену авторучки – и поместил себе в карман.

– Вызови охрану, – бросил он Язава на октавиаре, – а то не получишь засахаренной требухи.

И покинул кабинет.

* * *

По правилам хорошего тона, если ты нашкодил на средних этажах, бежать нужно наверх. Кайнорт лежал навзничь на крыше небоскрёба фирмы Galettensklaven и грелся в косых лучах.

Первым делом он вдумчиво перечитал список своих медикаментов: это оказались в основном витамины. Значит, это он сам по себе был такой опасный идиот. Ветер, прорываясь кое-где сквозь силовые бортики, ломал крылья о технические трубы и антенны, солнце утопилось в облаках на уровне двухсотого этажа. На закате тучи напоминали море артериальной крови. Бритц почувствовал, что уже готов, и распечатал конверт с письмом от Ёрля. Бумажным почему-то. Последним и единственным, которое тот передал через Пенелопу два месяца назад.

«Дорогой Кай!

Я умер. Ничего не мог с собою поделатъ. Болел от горя. А умер от счастья, когда узнал, что эзер-сейм готовится тебя вытацитъ.

Могу представить, какой бардак сейчас у тебя в голове. Да ещё этот трибунал. Показания мои даже к делу не приложили. Бывший раб! Твой приспешник! Пенелопе и Крису, кроме слепой верности тебе, предъявить было попросту нечего. Пусть будут судьи все прокляты.

Почему, ты думаешь, я пишу на бумаге, словно дикий ксит? Чтобы не перехватили в сейме. Там же с ума посходили с отловом пособников Прайда. На обороте письма – банковский чек-ключ на предъявителя. Предъявлять роботу. Я всё сделал в обход людей, нет им теперь веры. В ячейке два миллиона зерний гексагональными кристаллами, они нынче самая твёрдая валюта. Так меня щедро наградили за доставку Тритеофрена в гуцу боя. Только ведь это всё ты. А мне ничего не надо от них.

Живи уж, пожалуйста, долго теперь. Урьюи поразила даже меня, а мы-то с тобой навидались всяких планет. Но я пойму, если ты не захочешь здесь оставаться.

Теперь о ребёнке. Мне сказали, это мальчик. У тебя сын, Кай!»

В этот миг ветер чуть не вырвал письмо из рук Бритца. Он резко поднялся на ноги. Кровь в висках и круги перед глазами не давали дальше разобрать почерк Ежа. Бритц перечитал последние три фразы много-много раз, прежде чем смог опять сосредоточиться на том, что они реальны.

«Его спасла из грота Эмбер Лау. Видишь, хотел зачеркнуть, но подумал, она имеет право, чтоб ты знал. Да, чёрная вдова рискнула в последнюю ночь. Так что если найдёшь её, чтобы отомстить за Марраду и второго близнеца – убей быстро, не мучай. Ладно уж?»

Мне, конечно, не дали усыновить эзера. Пенелопе с Крусом тоже. Не положено, сказали, ребёнок минори, особая ценность. Я успел только назвать его. Миаш. Помню, тебе нравилось это имя. Так и записали, а потом увезли в интернат.

Пока суд да дело, его кидали из рук в руки по приютам. И когда Верманд наконец перебрался на Урьюи, след уж затерялся. Такой здесь был поначалу хаос! Они думали, перевезут семьи с астероидов и станут жить на всём готовеньком. Как бы не так. Шчеры в первый год давали жару. После их бунтов здесь много детишек посиротело, и пауков, и насекомых.

Я взял обещание с Альды Хокс, что она разберётся, разыщет нужный адрес. Спроси с неё. И обязательно побывай у Миаша, Кай. Он тебя оживит».

Подписи и прощальных слов не было. Вместо них к письму была подколота длинная седая игла с ежиного хребта.

Кайнорт потрогал горячие щёки и перечитал:

«Он тебя оживит».

Со стороны конуры технического выхода раздался сдержанный всхлип. Кайнорт заглянул туда: у силового бортика на крыше сидел шчер. Немолодой, тёмные волосы поседели на висках и на шее. В расхристанном рабочем комбинезоне и ошейнике, на котором мигала батарейка. Шчер плакал, обхватив колени. Впрочем, после всего увиденного Бритц полагал, что на заводе Galettensklaven такая картина в порядке вещей.

Альда Хокс ответила так скоро, будто сидела и ждала его звонка.

– А, да, был у Ёрля с собой кулёк с Кармина, – она не включила видео, а судя по звуку, что-то уплетала за обе щеки. – То ли мальчик, то ли девочка, чёрт его знает. Меня замордовали

на том трибунале, сместили с поста лидмейстера за потерю половины флота. Как думаешь, до кулька ли мне было?

– Но Вы хотя бы знаете, куда его определили?

– Я слышала, брат нанял тебе адвокатов. Ты собрался апеллировать?

И тут Кайнорт копчиком почувствовал, что надо ответить уверенным:

– Да.

– Норти, мать твою, – в голосе Хокс послышалось страдание всех шершней на свете. – Я только-только выбила должность посла на Бране. Если твоё дело направят на следствие... ты уничтожишь мою карьеру.

– А трибунал уничтожил мою.

– Послушай. Мне дали неделю. Семь дней, чтобы принести чью-то голову. Поставь себя на моё место! Виновность Инфера звучала как бред, как попытка свалить на того, кого и след простыл.

– Я знаю, где он может быть. Притащить его Вам за шкуру?

– Поздно, Норти. Так он и признался теперь. Или тебе поверят на слово? Ты же вечно пёкса о его репутации вместо своей! Сам виноват. И в каком свете ты меня выставишь? Я раскрыла по горячим следам. А ты как бы... как бы уже и наказание понёс, понимаешь? Готовый кейс для трибунала, готовый ответ избирателям. Большинству, которое недолюбливает аристократов. И что мне было делать? Эзер-сейм требовал шкуру виновного или мою.

– Я понял. Альда, всё нормально, я отзываю адвокатов и подпишу всё, что захотите. Никаких проблем. Только если Вам известно, где ребёнок...

Комм пискнул и загрузил изображение. В воздухе перед Бритцем возникла Хокс в пенюаре со шлейфом и полумаской электронного пластификатора на лице. Она опять исправляла свой прямой, как штангенциркуль, нос.

– Просто подумала, что в любом случае сейчас выгляжу лучше тебя, – и она не ошиблась. – Значит, так, Верманд прошерстил все приюты, пока не сдался. Все, кроме одного. Это закрытый, маленький какой-то частный пансион, его держит дамочка из минори. Я там не была, но мой информатор клянётся: личинка осела у них. Можно считать, мы договорились?

– Конечно.

– И ещё. Меня назначили послом на Брану, мне там нужен преданный помощник из своих. Должность мелкая, но с перспективой и лицензией на убийства.

– Хотите держать меня при себе, чтобы я вдруг не дал ход апелляции за Вашей спиной, несмотря на то, что психопатов опасно подпускать к оружию?

– Да.

– Вы восхитительны, госпожа. Я согласен.

– Пришлешь отказ от претензий к суду, скину тебе адрес. Да, причёска – чистый секс. Пока.

Мерно гудели бортики, принимая на себя мощь поднебесных ветров. Они были односторонние для экономии: пропускали только «туда». Следующие несколько минут Кайнорт строил заявления. Эта сделка была едва ли надёжнее мыльного пузыря. Альда требовала плату вперёд, не давая никаких гарантий. А если даже и не лгала, то сама полагалась на бог весть какого информатора. Но в чём она была права, так это в отношении Кайнорта к репутации. Он отказывался от недоброго имени, денег, без которых прекрасно обходился два года, да от себя самого с потрохами. Взамен шанса найти сына.

Получив адрес, Бритц направился было к лифту, но опять услышал рыдания. Что-то не дало просто пройти мимо. Шчер сидел слишком близко к краю над багровыми облаками. Он заметил Кайнорта и встал рывком:

– Не смейте или прыгну! Я не вернусь туда. Шваммляйтер заметил, что меня нет, и бил с брелока током, пока батарейка не села. Или, может, руки у него отсохли. А мне уже всё равно.

– Вижу, Вы опытный шантажист, раз пугаете эзера самоубийством.

– Тогда буду драться. Что, страшно теперь, дрищ?

– Страшно – это дослужиться до обергаупткрёбса галет-бюро вашего, – ответил Бритц.

Шчер сжимал и разжимал кулаки, пока не убедился, что эзер не собирается хватать его сию секунду и волоочь назад в цех. Он провёл ладонями по опухшему от слёз лицу, по шее, на которой не осталось живого места, и посмотрел вниз.

– Не замечал, как красива Миргиза, пока вы её не отобрали. Уж лучше бы сожгли, ей-ей. А раньше я был тут владельцем: да, это был мой небоскрёб и мой завод. Я жизнь на него положил! Это я ходил в блестящем костюме.

– Угадаю, вы здесь не мусор по консервам закатывали.

– Мы делали детское питание, – возмутился шчер. – Высококласные заменители молока, укрепляющие смеси для недоношенных. Гипоаллергенные кашки. Кашки! А теперь! Если бы только мусор! Если бы!.. Они заключили два контракта. Не один. Одними очистками не добиться нужного баланса белков и жиров.

Шчер поднял лицо к небу, чтобы проглотить новые слёзы. Облака внизу порвались и открыли вид на пригород Миргизы.

– А, секретный ингредиент. Второй контракт с канализацией, раз мух сюда так и тянет? – предположил Бритц.

– С похоронной службой.

– Ого, – брови Кайнорта скакнули вверх.

– А вы что думали, что правда снизилась смертность среди рабов?! – шчер окинул руками планету с высоты трёхсот этажей. – Оказывается, вот что: нас кормят трупами наших близких. Как там... «В дробилку – в сушилку – и к вам на стол!»

Шчер приложил ладонь ко рту, подавляя приступ рвоты. А Кайнорт посмотрел на комм и решил, что в приют всё равно уже поздно.

– Для эзеров переработка тел – нормальная практика, – сказал он. – Разумеется, это следовало указывать на упаковке, но...

– Издеваетесь! Вот возьму и расскажу всем.

– Вот я узнал, и что? Подозреваю, фирма скрывает это не столько от насекомых. Сколько от вас. Но бунтами вы сделаете себе только хуже.

– Я больше не могу, – прошептал шчер. – Не могу больше. Я жену два года не видел. Может, я её... уже съел?

Шчер обернулся к Бритцу и опять сник. Кому он жаловался? Но странный холодный эзер говорил на октавиаре, так может быть, поэтому паук впервые откровенничал с врагом.

– Знаете, было время, когда я бы Вас отговорил, – признался Кайнорт. – Но полчаса назад мне самому хотелось прыгнуть. Кажется, всё, на что я способен теперь, это подтолкнуть. Вам хочется услышать, что станет лучше, стоит только вернуться в цех и ещё чуточку потерпеть. Или что есть какой-то смысл в этой новой жизни, только перестань трепыхаться. Как в зыбучем песке. Или что Вы принесёте больше пользы, пока живы. Но Вы только закатаете больше банок со скорлупой и старушками. И через год вернётесь на эту крышу, только здесь уже не будет меня, чтобы обезболить уход.

– Вы очень точно подметили. Нам же постоянно твердят: свыкнетесь. Но есть разница между тем, когда людей хватают дома и волокут на другую планету, и тем, когда ты вдруг у себя дома – раб. Где-то там далеко – новый мир, в котором ты допускаешь начало новой жизни. А здесь... Всё, что было твоим миром, поедом едят, как термиты. Это как если твою женщину насилюют на твоих глазах! А тебе говорят: свыкнетесь... Нет, я так больше не могу.

Бритц молчал. Шчер покивал сам себе и закончил с твёрдой злобой:

– А если прыгну – кто-то и меня потом съест.

– Шчер съест. А если передумаете – эзер.

– Спасибо! Спасибо, вы помогли мне сделать выбор.

Он вскочил на парашют, шагнул сквозь силовой бортик, и многоэтажный ветрище сорвал его с крыши, как потерянный шарфик. Шчер падал в кучевое море без крика.

– Пожалуйста, конечно, – пробормотал Кайнорт и закурил у бортика. Рабочий день закончился.

Он был уже в орникоптере далеко от небоскрёба, когда пискнул комм:

«Минори Бритц! Поздравляем, вы с треском прошли стресс-интервью. Предлагаем вам должность фервольт-анвербеншефа с зарплатой от тысячи зерний в неделю (бонусы, страховка и корпоративные ши) взамен скоростноуловленного господина Звейга. По всем вопросам...»

Дочитывать он не стал и ответил:

«Купите мой стержень для ручки».

Глава 3. Урок, не предусмотренный расписанием

На другом краю Миргизы двух-трёхэтажные домики толклись без просветов и соревновались между собой в миниатюрности, цветении садовых люминесцентов и постоянстве надписей «Тараканы, убирайтесь вон!» мелом по забору. К чести тараканов, мел стирали каждую ночь. К чести пауков, надписи возникали на прежнем месте, как пятна крови в замке с привидением.

В частном пансионе минори Олеа в тупике Аргиопы, дом 7, просыпались с первыми лучами. Двенадцать гнёздышек должны были опустеть к четырём утра и ни секундой позже. Иначе – аэрографеновые розги. Минори Олеа гордилась хрестоматийным воспитанием чистокровных аристократов буквально с пелёнок. Её воспитанникам было от года до семи: в пансионе жили сироты до первой линьки, пока им ещё не требовалась кровь. В год они бывали величиной с раскрытую ладонь, а к семи вырастали впятеро. Но до тех пор занимали мало места, скромно питались, не снашивали горы одежек, не стаптывали обуви, не болтали, не кричали и не приставали с вопросами. Потому что ещё не умели превращаться в человека и говорить вслух. Хозяйка была похожа на сушёную цикаду в своём неизменном тёмно-зелёном платье и с такой тонкой талией, что обзавидовались бы осы. Худобу Олеа подчёркивал мачтовый рост. На желтоватом пергаменте лица особенно выделялся нос: с двумя горбинками, длиной чуть ниже верхней губы. Ещё немного, и он коснулся бы вздёрнутого подбородка.

Утро начиналось с дюжины одинаковых ванночек с водой, специально охлаждённой до температуры ниже нуля. На рассвете лучшие представители породы должны были успеть умыться прежде, чем от их прикосновений вода кристаллизуется и станет льдом. К ванночкам подпускали строго в порядке иерархии ветвей минори. Первыми летели протагоны-пчёлы, их было всего две в пансионе, медоносная и шмель. После них мылись дейтерагоны: стрекозы и разные шелкопряды. Затем – цикады и сверчки из ветви триагонов. И последними купались бескрылые ульторы. Муравьи. Им, парадоксально, везло больше остальных, потому что вода нередко успевала нагреться до комнатной температуры. Минори Олеа ходила вдоль ванночек, шуршала матовыми юбками, окунала дрожащих малышей в лёд и повторяла ежеутреннее наиздавание, что истинные аристократы должны быть скоры и выносливы.

Потом был завтрак. Те, кто имел крылья, звенели по полу золотыми цепочками, привязанными к задней лапке. Детей надлежало оберегать, направлять и контролировать, поэтому няни-минори при каждом удобном случае нажимали на брелок, и намагниченная цепочка свободным концом цеплялась к браслету или поясу взрослого.

За завтраком подавали скромные белковые шарики, сбрызнутые глюкозой. Минори Олеа в этот час по обыкновению внушала воспитанникам, что истинные аристократы должны быть сдержанны во всём, начиная с еды и заканчивая воздухом вокруг. А если ты не сыт ощущением собственного превосходства, то какой же из тебя минори.

Занятия с гувернёрами длились без перерыва до самого ужина, который накрывался на закате. На жалобное жужжание директриса отвечала неизменным контрмонологом об истинных аристократах, кои должны быть в первую очередь всесторонне образованны и воспитанны. А уже потом всё остальное. На «всё остальное» у малышей было полчаса в день, когда на прогулке няни монотонно зачитывали им научно-популярные очерки на дипломатическом, брагнианском, немножко на ибрионском и даже на октавиаре. Минори Олеа взяла на себя смелость обучать подопечных языку вероятного противника и наречию рабов. Потому что истинный аристократ должен быть на шаг впереди тех, кто его ненавидит.

Этим утром минори Олеа сама вывела на прогулку малышей триагонов. К её талии крепились три золотые цепочки. Рядом по траве скакали два примерных сверчка, а над шляпкой

директрисы порхала цикада. Цепочки деликатно звякали. В конце аллеи щёлкнул замок, и Олеа по-солдатски резко растрясла зелёные юбки. Явился посетитель.

– А, минори Бритц! Это вы, – она растянула губы, отчего верхняя уползла под нос, и изобразила книксен. – Я получила ваше письмо уже ночью, но мы очень рады. Добро пожаловать.

Абсолютно все в ассамблее знали Бритца как великого предателя, но соблюдение формального почтения низшей ветви к высшей было вшито в гены минори.

– Доброе утро. У вас здесь чудесный тупичок.

– Прежде формальность. Мы ведь не можем полагаться только на имя и дату рождения. Будьте добры... – Олеа протянула ему капсулу мини-тестера ДНК.

Бритц сжал капсулу и почувствовал слабый укол. Прозрачная полость наполнилась кровью наполовину. Олеа забрала тестер, намотала на запястье цепочку и, притянув к себе цикаду, уколола ей лапку. Другая половина капсулы наполнилась белой гемолимфой.

– Что ж! – оживилась директриса и развернула в воздухе отчёт мини-тестера. – Вне всяких сомнений, вы отец Миаша.

Она открепила с пояса золотую цепочку и вручила Кайнорту цикаду, словно воздушный шарик на ниточке.

– Так какие у вас на него планы?

– Сказать по правде... – тянул Бритц, с большим трудом расставляя слова в нужном порядке, – ...я сейчас не готов взять на себя такую ответственность, минори Олеа. Я узнал о сыне меньше суток назад. И в некотором роде не располагаю возможностью, а в некотором даже представляю опасность.

Не признаваться же, в самом деле, что нельзя доверять ребёнку папаше-психопаше. Накануне выяснилось, что такого не только к паукам нельзя подпускать, но и к эзерам. Теперь он в самом деле не собирался задерживаться на Урьюи дольше, чем потребует оформление опекуна на брата.

– Я лишь хотел проверить, что с Миашем всё в порядке, и оставить средства для достойного содержания в пансионе, пока он не подрастёт.

– Понимаю, минори, – поклонилась Олеа. – Прошу в дом. Проясним финансовую сторону вопроса.

Они шли по тенистым дорожкам из кварцевой гальки и лунного камня. Листья кустарника по периметру садика испускали слабый розоватый, а кора – голубоватый свет. Всё-таки Урьюи даже в самых диких тупиках была волшебна. За углом послышалось жужжание. Наперерез Бритцу и Олеа летел шерстяной комок, цепочка тянула его вниз и звенела по гальке. А за комком вприпрыжку, роняя брелоки, торопилась молоденькая няня.

– Юфи, стой! Юфельле! Минори Олеа, ну она опять, опять!

Миаш вырвал конец своей цепочки из руки Бритца и полетел следом за Юфи. Он изловил конец её шнурка в кустах. И оба они, покорные как по волшебству, вернулись назад. Няня выхватила у Миаша поводок. И так рванула на себя, что шерстяной комок покатился по дорожке, как меховой мяч, взлетел и уцепился за колено Кайнорта. Это оказалась обыкновенная пчела.

– Простите, это наша головная боль, – спохватилась Олеа, оторвала пчелу от брючины гостя и швырнула няне. – Она умственно отсталая. Может и укусить.

– Какая... пушистая.

– Прямо шмель! Только с Миашем и ладит, примерно его возраста. Бедняжка вообще-то. Её подкинули без сопроводительных документов.

Пчела выделяла восьмёрки в воздухе над няней, а та держала цепочку двумя руками.

– На вид обычный ребёнок.

– Она глухонемая. Если и усваивает уроки, то нам об этом неизвестно. Знаете, не будь Юфи пчелой, протагоном минори, я бы не стала и связываться... Да и Миаш этот ваш – мальчик очень бойкий и беспокойный, – Олеа многозначительно высморкалась в зелёный платок. – Я бы даже сказала, хулиган.

– Ему ведь только два.

– Да, и к нему пришлось приставить двух гувернёров, а на будущий год, боюсь, и тремя не обойдёмся. Прошу в холл и направо.

В холле цикада уселась на подставленную руку. Миаш Бритц занимал всё предплечье отца. Он был зелёный, как платье Олеа, и с ободранными по краям крылышками. Одно никак не складывалось и торчало, словно у помятого бумажного самолётка. Кайнорт поправил его, уложив как следует. Крыло было атласным на ощупь. Любопытные усики Миаша пощекотали рукав отца, забрались в карман жилета и обследовали электронную сигарету.

– Гиперактивный и непослушный ребёнок, – продолжала Олеа, провожая их в гостиную пансиона. – Хотя тесты обнаружили высокий интеллект для его возраста. Сообразительный сорванец. Но не без странностей. Вы знаете, он...

Директриса делала свою работу: набивала цену. Бритц слушал невнимательно, потому что и так планировал оставить здесь всё, что имел, да ещё миллион Верманда в придачу, если тот не передумал. Он рассеянно ждал, как далеко зайдёт Олеа, распинаясь о трудностях воспитательной работы с отпрыском двух ненормальных. В разгар беседы ему на кед заползла пушистая пчела. За ней по полу тянулись внутренности какого-то электроприбора.

– Ой, Юфи, – улыбнулся Кайнорт, а пчела принялась мусолить его шнурки. Ворс у девочки был яркий и богатый, но местами свался, а на полосках не хватало клочков.

– Минори Олеа, ну она опять, опять! И ещё сломала уборщика!

Пчелу дёрнули за цепочку.

– Дорогуша, в пятый карцер, будьте любезны, – прошептала директриса. – Ещё раз прошу нас извинить, минори Бритц.

– Сколько же у вас всего карцеров?

– По одному на воспитанника. Но вы ведь не считаете меня извергом? Это всего лишь чулан, и мы не оставляем их без ужина слишком часто. Согласитесь, минори не были бы столь изысканны и утончённы, если бы не знали чулана и розги. Нас нельзя баловать. Если почва слишком питательна, деревце пустит все соки в листья и погибнет при первых морозах.

– Не думал, что есть связь между толщиной розги и утончённостью натуры.

– Никто ещё не упрекал Олеа! А ведь я держала пансион ещё на Эзерминори. Но если вы не хотите оставлять Миаша на моё попечение, подпишите отказ от родительских прав. Многие минори испытывают трудности с деторождением. Я мигом... пристрою его в дом без чулана.

– Не обижайтесь, бесценная Олеа, – Бритц перехватил Миаша на руки и подался ближе к директрисе. – Мне нужно время, чтобы подготовить деньги. Скажем, дней десять. Я улечу кое-что уладить и вернусь, чтобы заключить договор. На два миллиона для начала. Идёт?

Её как подожгли:

– Да! То есть как вам будет угодно, минори Бритц.

– А могу я взглянуть на личное дело Юфьелле? Из профессионального интереса.

– Ерунда. Там пара строк. Имя, вес. Пометка от акушера и всё. Даже фамилии нет.

– А экспертиза? Тесты? Осмотр у психиатра? Вы сказали, у неё проблемы.

– Проблема Юфьелле в том, что она ни с кем не идёт на контакт, – отрезала Олеа. – И абсолютно неуправляема. Дерётся, не даётся грумеру, рвётся за забор. Развинтила всех роботов-полотёров. Вероятно, отклик тяжёлых родов. Хорошо, что Миаш останется здесь: они не разлей вода и, по крайней мере, он не даст ей удрасть и попасть под орникотер. Юфьелле никого не слушает, а значит, не слышит. Я исчерпывающе разъяснила?

– Исчерпывающе, – кивнул Бритц. – Спасибо. До свидания.

На обратном пути через садик доносилось жалобное:
– Минори Олеа, ну она опять, опять!

* * *

Уладить упомянутое «кое-что» Кайнорт так скоро не планировал. Ладно бы ещё через год, когда набрался бы сил. Но понял, что всего через десять дней он уже будет не вправе так собой рисковать.

– А мной, значит, можно! – протестовал Нахель и мерил бар полутораметровыми шажисами. – Неспроста мне почудилось, как только вы вошли сюда, что за мной явилась Смерть. Туда не летают. Не. Летают.

За Нахелем, то есть за его бокалом, летала рыжая барная тучка, подливала ему токсидрового дождя и сыпала крупный град, чтобы охладить напиток.

– Я же не прошу тебя садиться на планетоид. Повисишь на орбите. Пожалуйста.

– О как! Вашим пожалуйста и будем гранитные кольца разгонять. Нормально.

Нахель обиделся и сел, отвернувшись и трясая сапогом. Кайнорт жестом подозвал зелёную тучку и попросил повторить стрихито. Над его бокалом взвился шейкер: крошечный смерч из мятного рома и орешков чилибухи. Планетоид О/28-85 состоял из комка диаметром в тысячу километров и узких колец, нет, КОЛЕЦ из гранитной крошки, которые занимали собой всю систему. Смотрелось так, будто вокруг солнца летает гигантская пластинка. Местная звезда потихоньку пожирала кольца, но это только добавляло проблем пилотам. Кайнорт задумчиво изучал бар сквозь бокал:

– Заметь, я же тебя не шантажирую выкриком фамилии на весь бар.

– Пф-ф, – фыркнули за столиком с целым небом разноцветных тучек. – Поздновато опомнились. Он продул её уж с полгода тому, вроде Рыжему Шишу. Эй, Нахель Пшолл, твоё здорье!

– А по матери? – уточнил Бритц.

Нахель взвился:

– Почему я, а не Крус? Он ведь тоже пилотирует!

– Крус занят, он шпионит за императором. Да он ещё проболтается Пенелопе, Пенелопа нажалуется Верманду, а Верманда хватит удар ещё до того, как Крус размахнет нас о кольца. А ты, Нахель, лучший пилот во вселенной.

– Потому что я, не побоюсь этого слова, трус.

– В лучшем смысле.

Окатив бар и барные тучки, нового лидмейстера, старого лидмейстера, ассамблею, налоги и напоследок вообще всех в Миргизе, кроме собственной мамы, целым глоссарием неопишуемой брани, Нахель отобрал у Кайнорта стрихито и решительно опрокинул в себя.

– Заключим сделку. Слышал, вы согласились работать с Альдой в кротовой норе. Вот что, привезите мне оттуда бранианскую кошку.

– Кого? – не поверил Бритц. – Ты хоть знаешь, как оно выглядит?

– Нет. Но кошки милые на всех планетах, где они водятся.

– Кошки кошкам рознь. А если она величиной с бизувия и рыгает кислотой?

– Ну, маленького котёночка.

Бритц вздохнул и заказал ещё стрихито. Это был, может быть, последний шанс, чтобы славно надраться и славно умереть, но близилась полночь, а он всё ещё был трезв.

– Договорились, Нахель, но убирать за ним будешь сам.

– Ладно, поехали. А чего вы забыли на О/28-85?

– Месть, – лицо Кайнорта осталось спокойным и серьёзным.

* * *

Через семьдесят часов Нахель оседлал орбиту вокруг О/28-85.

– Топлива хватит пару дней всего провисеть, минори, а потом если что, не обессудьте. Кайнорт активировал хромосфен и настроил челнок на спуск.

Ветры на планетоиде носились невероятные. Пучки острой, как ежи, травы царапали редкие камни. Стелились по земле плоские змеи, а если встречались, немедленно поедали друг друга. Атмосфера на одну седьмую состояла из кислорода и на шесть седьмых из инертных газов и всякой дряни. И почти вся она уместилась в гигантской рытвине метеоритного кратера, куда её сбивало с поверхности. Жизни в рытвине было немного. Она то появлялась, то исчезала, не успевая толком эволюционировать. Об этом месте не слыхали уважаемые граждане. Не знали беглые рабы, даже разбойники. Только двое до этого дня.

И один из них стоял посреди пустоши, наблюдая, как садится челнок.

Слишком долго он осторожничал. Прятался среди плоских змей и ждал подходящего момента для возвращения в Прайд. И вот ты подумай, из карминского ада выпустили дьявола. Жаль, в самом деле жаль, он не хотел его убивать. Бритц – идиот. В одиночку на Контриция Прайда, он ведь не всерьёз? После того, как два года не пил крови, был манекеном для отработки ударов, ходил под себя и питался через трубочку? Инфер вколол себе ещё антигипоксидной сыворотки, чтобы переполнить кровь кислородом. Фигура в сером хромосфене прыгнула с трапа и направилась навстречу хромосфену чёрному.

– Кайнорт, остановись! Смотри, я безоружен!

Он показал глоустер и бросил на землю. Но Бритц молча бросился вперёд, и двое покатились в овраг. Клубок из серо-чёрных туманов давил желеобразных червей и слизней в жухлых колючках. Визжали керамбиты, снаряды шоркали по складкам хромосфена, хрустели рёбра. Инфер пнул противника в грудь и выиграл секунду для второй попытки:

– Кайнорт, я не хочу тебя убивать! Ты ослаб и не можешь драться как прежде!

Серая Смерть кувыркнулась, поднимаясь на ноги, и набросилась с новой силой. Берграй прострелил ему фильтр и оторвал половину маски-черепа. Но с половинчатой гравитацией O/28-85 у Бритца оказалось преимущество в прыжках перед тем, кто провёл здесь два года.

– Перестань! – рычал Берграй. – Твоему хромосфену конец, ну! Давай поговорим! Как близкие лю...

Инфер увёл горло от лезвия и понял наконец, что Бритц явился убить или умереть, но без болтовни. И что дурь и ненависть заменили ему крылья и мускулы. Тогда Берграй превратился в осу и ужалил.

* * *

Спустя минуту Кайнорт, содрогаясь в конвульсиях, зубами откупорил узкий футляр и вытряхнул длинную седую иглу. Подарок Ёрля. Бритц отсчитал рёбра и вонзил её Берграю в сердце, а кончик отломил и выбросил. Инфер лежал со свёрнутой шеей.

Бритц упал рядом, животом на камни, по которым струились черви и змеи, и лежал так целые сутки. В жаре и ознобе, в корчах и приступах хриплого крика от чудовищной боли, в бреду гипоксии и тумане земляничных снов, пока организм, ещё не забывший вкуса ботулатте, не победил яд осы-палача.

Берграй ошибся: Кайнорт явился не убить или умереть. Просто. Убить. И оставить инкарнировать и подышать раз за разом веки вечные. Это и была – месть.

* * *

В холодном кабинете минори Олеа, где свет давал лишь один тусклый сателлюкс, поздний посетитель казался привидением. Директриса поёжилась. Десять дней назад этот взгляд напротив не был таким неуютным и колким.

– Вы нездоровы, минори Бритц? – вырвалось у неё. – К чему этот полуночный визит?

– Я хочу забрать Миаша.

– В каком смысле забрать? То есть насовсем?

– Насовсем. Видите ли, рано утром я покидаю Урюю по долгу службы.

Только теперь Олеа разглядела, что Бритц подстрижен по-новому, на строгий военный манер.

– Но мы так не договаривались, – директриса занервничала и прибрала волосы, распушённые ото сна. – Тогда надлежит собрать документы... Есть правила!

– Вам не о чем беспокоиться, минори Олеа. Вот. Медкарта, автобиография, выписка из банка, заявление, копия заявления, копия копии, – Бритц жестом посылал файлы на комм директрисы. – Справка с места работы.

– Но она оформлена послезавтрашним днём.

– Потому что я приступаю послезавтра, – улыбнулся Кайнорт и выкинул в воздух ещё лист: – А это заключение психолого-психиатрической экспертизы. Там написано: «Здоров». Но это формальности.

– Это-то я вижу, – пробормотала Олеа.

– И Юфельле я тоже хочу забрать.

– Её?! Зачем вам глухонемая пчела?

– Хочу преподать им с Миашем особенный урок, единственный, которого нет в Вашем расписании.

– Это какой же?

– О том, что минори своих не бросают.

Директриса потупила взгляд. Вообще она... могла понять. Если бы не ходатайство ассамблеи, Кайнорт Бритц до сих пор валялся бы прикованный к кирпичам казематов Граная. Минори не бросали своих, на этом зиждилось их величие. Олеа сцепила пальцы в замок и вздохнула:

– Вы поймите, пчела... С ними тяжело. Пчёлы ведь умирают, если ужалят.

– Я знаю.

– С Юфельле уже был один такой эпизод. Укус пчелы – всегда переполох. Драчливая девочка... Досталось от неё щедрому благодетелю пансиона, кузену моему, триагону.

– У вас ещё много благодетелей, минори Олеа, – возразил Бритц, – а инкарнаций у эзера до второй линьки только три. Юфи будет лучше под моим присмотром.

– Но пчёлы относятся к протагонам, эта ветвь аристократии выше, чем ваша. Мне нужно время, чтобы всё устроить, и...

– И три миллиона зерпий.

– Что?..

– Ой, что я говорю... *или* три миллиона зерпий, – улыбнулся призрак, рассыпая в воздухе цветные виртуальные чеки. – Это четыреста новых золотых поводков, триста тысяч ванночек со льдом или сто миллионов розог. Скажем, я буду вашим новым кузеном-благодетелем.

Целую минуту нос минори Олеа покрывался аристократичной испариной. Неизвестно, в какие ценности директриса мысленно переводила последние сбережения династии Бритц, но всё-таки сдалась и приказала готовить детей к отъезду.

– Вы их избалуете, – шёпотом причитала она, поднимаясь с Кайнортом в детскую. – Вы их избалуете и пустите на ветер всю мою работу.

– Не волнуйтесь, минори Олеа, я сниму дом с двумя чуланами. Даже с тремя.

* * *

Через час два сонных малыша жмурились на заднем сиденье орникоптера. Кайнорту пришлось выпустить все лапы, чтобы удерживать взволнованных детей. Они в жизни ещё толком не видели ничего, кроме сада в тупике Аргиопы, дом 7, и теперь расплзались по салону. Крусо то и дело оборачивался. Он был традиционно небрит.

– Два, Кай? Сразу два? У них там что, какая-то акция?

– Смотри, пожалуйста, на дорогу.

– А она правда глухонемая?

– Да.

– Да?!

– И да и нет, – туманно ответил Бритц. – Это редкий дефект. Случается, что их имаго общаются на частоте, недоступной большинству насекомых. Я, например, слышу Юфи, а она меня нет. После первой линьки она тоже будет слышать, но только в облинии человека.

– Допустим. Но зачем ты тащишь их с собой?

– Я сто лет назад уже оставил сына дома на Эзерминори. Всего на неделю с дедушкой, чтобы слетать за рабами, что могло случиться?

Действительно, что? Кроме карательной миссии Железного Аспида.

– Жаль, – посочувствовал Крус. – Мне повезло. Наша семья тогда кочевала по военным базам в других системах, а у Пенни по научным спутникам. А Верманд не может за ними приглядеть?

Кайнорт представил, как Миаш стрекочет с заката до рассвета, а Юфи молчаливо и сосредоточенно развинчивает и трепанирует всю технику в доме названного дяди.

– Во-первых, я не могу взваливать на него сразу двоих. Верманд и так работает в дурдоме. А во-вторых, зная его везение, Урюю разнесёт на кусочки, лишь только я закрою за собой дверь.

– Но Брана... это ведь другая галактика. Это кротовина и чёрт вообще знает какая дыра. Там хоть установлены хроноэквайлеры?

– Да, время они синхронизируют. Всё будет хорошо, Крус. Главное, не подпускать ко мне диастимагов.

Под стрекот цикады на коленях и с пчелой на плече, Кайнорт откинулся назад и закрыл глаза. Он так устал, что на мгновение подумал, что умирает, и даже не нашёл сил, чтобы испугаться. К нему на сиденье что-то упало.

– Держи, это твой старый комм, – разбудил его Крус. – Ты забыл его в каюте тогда. Ещё работает. Там поначалу приходили какие-то сообщения, а потом всё. Если что, я не читал.

Кайнорт машинально сбросил банковскую чепуху и перестал дышать:

813 дней назад, 00:00:

«если ты вдруг вернёшься: это была я»

806 дней назад, 02:13:

«мне очень жаль»

805 дней назад, 03:25:

«ОЧЕНЬ ОЧЕНЬ ОЧЕНЬ ОЧЕНЬ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ!»

776 дней назад, 05:15:

«страшно и больно»

Её стиль. Не фразы толком, а обрывочный концентрат терзаний, которые не поместились в объём одной девчонки и плеснули через край на экран его комм. И почему четвёртое – тоже ему? Через два месяца после Кармина, почему? Чёрное холодное ничто опять заворочалось внутри, и Кайнорта затошнило. Он вычислил, что ему писала Эмбер, ещё в тот вечер на Кармине, когда пил Шмелье руж и показывал карминскую фигурку. Он отправил сообщение, а у неё блеснул комм. Она слишком нервничала, чтобы заметить, что он заметил.

– Крус?

– А?

– Помнишь, после нападения имперцев на Эзерминори я просил тебя пошпионить за его величеством?

– Ну.

– Приоритет этой задачи временно понижен. Есть кое-что поважнее. Догадываешься, почему я просил тебя приехать без Пенелопы?

– Хочешь, чтобы я нашёл Эмбер Лау.

– Да.

Орникоптер оторвался от проводов и спланировал к гостинице, где жил Бритц. Крус обернулся и терпеливо ждал, когда тот продолжит.

– Говорят, у неё хватило дури вернуться на Урюю, – помолчав, сказал Кайнорт. – Я буду компенсировать все твои расходы на то, чтобы стать её тенью.

– Понял. Не говорить Пенелопе?

– Не говори.

– Понял. Куда высылать данные?

– Никуда. Хранить на видном месте под небезопасным паролем.

– А теперь не понял.

– Если я сам попрошу Пенелопу спрятать от меня Эмбер, она не воспримет угрозу серьёз, – Кайнорт говорил через силу, будто наперекор желанию. – А если обнаружит, что ты ведёшь слежку, испугается и сделает всё возможное, чтобы мы с чёрной вдовой никогда не встретились. Я не могу надеяться на тебя одного. Дело не в способностях, просто тот, кто прячет, должен быть мотивирован сильнее того, кто ищет. А ты первым делом спокойно спросил, куда высылать данные.

– Я же не знал.

– Только имей в виду: если об этом разговоре узнает Пенелопа, и я доберусь до Эмбер раньше неё, Пенелопа будет несчастна, а тебя заглохнет чувство вины.

– А если она заставит меня прекратить?

– Не заставит, – возразил Кайнорт. – Чтобы хорошо прятать, нужно хорошо искать. Пенелопа попросит тебя помогать ей, а ты не упирайся долго.

– Понял. Ты играешь нами против себя.

– Причём в поддавки.

– А если паучиха сама тебя ищет? А если случайно столкнётесь?

– Посмотри мне в глаза, Крус. Видишь? Это пробелы в моих планах.

Он удалил её сообщения наутро. Если Эмбер и правда вернулась домой, тогда она – самый сильный и потрясающий из его врагов. Ведь её ужас был ужаснее, чем его, потому что, когда случился Кармин, ей не было и двадцати. Но надо же, выбралась, дала сдачи. И сохранила рассудок, хотя за последнее он не ручался. Кайнорт вспоминал об этом всякий раз, как ему резали крылья наживую, чтобы продать. Имя паучихи стало анестетиком. Так неужели Эмбер сильнее? Нет. Нет, они станут ровень. Кайнорт знал, что эта мысль способна вытащить его из любой пропасти.

А пока он бежал с Урюю, которую вырвал у пауков с корнем, с мясом. И прятался в самую глубокую нору. Потому что не мог вынести столько чужого света и воздуха.

Глава 4. М

Теперь прибавьте к повествованию ещё четыре с половиной года

Вогнутую арену переполнили вопли. Это была даже не чаша, а целый кратер из шлифованного до зеркальной скользкости металла, залитый визгом восхищения, страстным гиканьем, улюлюканьем и дымом, который валил из ВИП-ложи. Зрители перекрикивали комментаторов, судей давно оттеснили или раздавили насмерть. Адреналин и звериное исступление висели в воздухе душным одеялом. Едва ли гладиаторы могли разобрать звук ударов противника по своей собственной башке. Финал чемпионата города Эксиполь по боям шиборгов переломил кульминацию.

– Это конец! Крушитель Тарантулов удерживает Сольпугало на люке с генератором спрайтов! – гремел комментатор, зависнув вниз головой под куполом арены. – Это гибель всех систем!

Кроме скользкого пола на крупных чемпионатах использовали препятствия и скрытые ловушки, чтобы добавить непредсказуемости. Ловушки не наносили смертельного ущерба, но мешали противникам. Тут и там из-под арены плевала плазма, полыхали молнии-джеты, а в брюхо и ноги стрекало током. Если шиборг попадал на люк синих спрайтов, молнии на время парализовали их орудия. Как будто этого было мало, в финальных боях в чашу выпускали робота-паяца. Он катался по арене и плевался липкими полимерами. Покрытые трещинами визоры гладиаторов давно забрызгала кровь, залил карбеновый клей. Ориентироваться помогали только команды операторов. Объявили конец приёма ставок.

Крушитель Тарантулов был пауком-ассасином. Гипертрофированные хелицеры достигали трёх метров в длину и хватали противника, как кулинарные щипцы, которыми ворочают котлеты на противне. Но козырем был уникальный микропортрон. Переделанный из имперского флотского телепортатора, он отбрасывал противника на два-три метра одним касанием, и зрители бились в экстазе. К тому же, Крушитель носил броню из циркониевых наношариков в ячеистом силумине. Шарики вибрировали при попытке распилить броню, и резак затуплялся тем скорее, чем настойчивее старались. На этот раз противник использовал точечные удары. Но броня Крушителя прогибалась упруго, словно мячик, и с каждым ударом копила заряд для своих орудий. Паука-ассасина стало невозможно пробить, а за выстрелы из боевых орудий, как известно, снимали очки. Преимущество Сольпугала заключалось в тяжёлом брюхе, на которое водрузили чуть не полуметровую броню, и внушительных вибриссах по всему телу, для которых в броне высверлили специальные отверстия. Волоски обеспечивали меткость и великолепно чувствовали приближение ловушки или паяца. Противник и без оригинальных орудий был хорош. В самом начале боя это показалось заявкой на победу. Но очень скоро вибриссы поломались и обгорели. Сольпугало был осторожен, но Крушитель Тарантулов дождался его первой ошибки и теперь просто не давал сойти с электроловушки. Непомерно длинные и мощные хелицеры, уродливые в жизни, на арене не давали противнику ни вырваться, ни дотянуться до Крушителя. Сольпугалу обесточило все приводы. Без них он был просто готовая консервная банка, которую бери и телепортируй к краю. Десять раз смять пространство – и победа.

Немногочисленные фанаты из тех, кто поставил на Сольпугало, бросали свои купоны друг в друга, рвали их и покидали зал. Сольпугало сделал последнюю попытку активировать гидропривод, его оператор в отчаянии лупил по планшету в надежде перезагрузить всё разом или, может быть, даже прыгал на нём. И вместо удара по Крушителю Сольпугало выпустил осколочный заряд по ВИП-ложе. Бортик не выдержал. Сразу четверо эзеров повалились навзничь, посыпались зубы, потекла кровь. Именно из-за таких рисков билеты в ложу стоили непо-

мерных денег. Инкарнируя наутро, клиенты приходили в восторг от прошедшего вечера. Все орудия Сольпугало погасли. Комментатор подначивал:

– И круг победителя, а ну-ка! Кру-ши-тель! Кру-ши-тель!

Телепортируя груз, словно пиная мячик, паук-ассасин начал обходить арену и с каждым новым витком приближался к краю. У бортика появился паяц. Крушителю пришлось зайти на лишний виток. У самого края он отправил Сольпугало напрямик в лужу карбенового клея. Паяц тут же плюнул ещё. Крушитель попытался оторвать противника при помощи микропортрона. Раз, два – но Сольпугало встрял намертво. На третий раз...

...микропортрон дал осечку и выкинул за борт Крушителя Тарантулов.

– Какая ф-ф-фатальная ошибка! – в комментаторе умер великий артист, а может, даже два. – Рискнуть использовать ненадёжный телепортатор, ну как же так! Нет же ничего лучше старой доброй пули с «кротовой пылью»! Но это была достойная и впечатляющая попытка, как ж-ж-жаль!

Зал, целый час производивший мегаватты воплей, которыми при желании можно было осветить целый город, мигом заткнулся. Внезапная тишина ударила по слуху ещё сильнее, чем шум. Крушитель, весь в паутине и карбеновом клее, как в силках, даже не понял, что проиграл, и вертелся на спине в VIP-ложе.

На экраны крупным планом вывели Скути, хозяина шиборга. Он хватался за голову руками и лапами. Ловил ртом перенасыщенный потом воздух. Его спина дымилась, лицо покрылось белыми пятнами. Если можно было бы умереть от позора, он умер бы сию минуту. Зрители шептались:

– Что... что произошло?

– Что это было?

– Это всё?

– Как это вообще?

– И-и-и-и-и новый чемпион Эксиполя – Сольпугало!!! – проорал комментатор.

А где-то на улице слышались первые визги эзеров, не дождавшихся конца. Визги нарастали, и те, кто бросал на пол купоны, ринулись обратно в зал, чтобы шарить по полу среди таких же несчастных счастливиц. Им наступали на руки, началась потасовка. Оператор Крушителя Тарантулов убирался восвояси, расталкивая видеосателлюксы и живых репортёров. В одного он даже плюнул. В другого запустил микрофоном со словами «Я его тебе в зад засуну, только подойди ещё!». На пороге тренерской он сорвал с себя бейдж участника и растоптал с таким наслаждением и яростью, что до журналистов наконец дошло, что значит «Без комментариев!». Дверь раздевалки грохнула так мощно, что внутри упал железный шкафчик. Минуту ещё постояв без движения для верности, Скути повернулся к столу.

– Восхитительно, – прошептал он. – Восхитительно, блестяще, потрясающе и великолепно.

Говорить громче он боялся. Не столько из-за возможной прослушки, сколько от неловкости. Он испытывал какой-то сосущий пиетет перед той, которая сидела на краешке подоконника. Скути казалось, что заговори он вслух, и вместе с роковой чародейкой исчезнет этот день, и этот бой. И его деньги.

– Приятель уже забрал выигрыш. Вот, это твоя доля, М.

Комм пискнул, пересылая деньги на браслет из чёрной кожи. Женщина балансировала на кромке узкого подоконника, словно птичка, так мало места ей было нужно, чтобы усидеть. Но её изящные плечи в чёрном полупальто, чёрная юбка ниже колен, облегающая узкие бёдра, и немыслимо длинные ноги наводили на фантазии о змеях. Тех, что замирают на ветках и ждут, чтобы кинуться, когда придёт время. Стройные ноги были обуты в демонически чёрные туфли на сапфировых шпильках. От них при ходьбе у любопытных сверкало в глазах. Такими каблуками можно было штопать раны или убивать. Ноги так казались ещё длиннее, хотя это

сложно вообразить. Для Скути она назвалась М. Эзер понимал почему, и сам не пожелал бы знать больше, чем она сообщила. Так можно было воображать, что мошенничества и не было. Случайность. И всё. Ведь никакой М вовсе не существует.

Она кивнула. Чёрная матовая шляпка сидела на махагоновом каре. Лицо М закрывала вуаль из листа нуарелии, алливейского чуда. Лицо под ней виднелось еле-еле, но было невозможным для опознания. Скути, тайком наклонясь, уловил только по-детски острый подбородок, красивые губы и тонкий шрам. Это был такой шрам, по которому хотелось провести своими губами. Скути покраснел. Сквозь нуарелию смотрели серые глаза. Он поставил бы выигрыш, что серые! Одежда, грация и превосходные манеры с покусением на высший свет: вот какова была М. При первой встрече он уверенно назвал её минори. А много позже разглядел седую прядь. И худобу городских шчер, калории которых сжигали нервы.

– Слушай, какие-то головорезы рыщут по частным мехатроникам, особенно по шчерам. Наследила, что ли? Или, может, разозлила таких же, как мы, умников. В общем, кто-то что-то где-то нюхает. Так ты поосторожней там.

– Спасибо за предупреждение, Скути. Прощай, я больше не работаю анонимно, – голос лился дымчатый и холодный, как ртуть.

– Как распорядишься деньгами? Сумма внушительная для...

Чуть было не сказал «для шчеры», но прикусил язык. Скути хотел, чтобы она поскорее ушла, как хотят, чтобы змея поскорее выползла из твоей кухни, но бояться задеть.

– Куплю карамелек.

– Не хочешь говорить, дело твоё. Хоть бы спасибо ска... а, ты сказала. Да только твоё спасибо как шпилькой в глаз. Думал, хоть выигрыш тебя разморозит.

– Ты плут. Лучше бы нанял меня для выигрыша.

– Когда чек за победу перевесит сумму по ставке, тогда и будем выигрывать, – возразил эзер. – Но уж теперь-то я возьму настоящего робототехника. Без обид.

– К тому же ты эзер, – добавила она.

– И? Мы вас уж год как освободили, даже уж полтора тому. Это мы теперь по рукам и лапам опутаны. Зарплату вам плати, страховку, взносы, налоги. Рук не хватает, все поразбежались по отшельфам, а туда не сунешься. Дом сам убирай, роботы стоят как три раба. Хитиновый банк так прижал, хоть петлю одевай.

Она прошла мимо, унося аромат коньячного бисквита и засахаренной сливы. По наблюдениям Скути, шчеры обыкновенно были чем-то похожи на свои имаго. Но эзер никак не мог подобрать к М подходящий образ, на ум приходили только насекомые. Оса-помпилида. Или чёрный парусник. Или ядовитая данаида.

Он захотел открыть перед нею дверь, но не успел. М толкнула рычажок рукой в чёрной перчатке и бросила на чистом эзерглёссе:

– «Надевай».

Сапфировые каблуки звенели по мрамонту. М ступала легко, будто на крыльях, но за спиной развевалась лишь кокетка пальто. Её называли минори дальше по коридору, изобразили реверанс на выходе и без слов уступили свободный орникоптер, хотя очередь на выезд начиналась в ложе у арены. Снаружи стадион был оформлен иммерсивными экранами, и в миг, когда в толпу прямо с крыши нырнул чёрный вуалехвост, М растворилась в кляксе его плавника и пропала.

* * *

М – потому что Эмбер. Участвуя в бесстыжих проделках, я потратила все буквы алфавита и оставила «М» напоследок, чтобы после уже не возвращаться к плутовству. В прошлой жизни я мечтала делать роботов, а теперь подстраивала на заказ досадные ошибки, которые выстреливали на такой-то секунде такого-то раунда. Напрасно я обвиняла Скути. Для победы

мне сильно не доставало образования. Я по-прежнему была хороша в изготовлении брони, но в финальном бою важнее нападение. В новом сезоне у Скути кончились деньги, и он нанял лучшего из худших. Мы снабдили Крушителя Тарантулов координатором от краденого имперского минипорта, но сделать из него убедительное оружие я бы не смогла, да и Скути, к счастью, заказывал то, что должно сломаться. Это было делом времени. Нестабильный микропортрон в лучшем случае отбрасывал тяжёлого противника на пару метров и только. Но, как и все имперские штучки, он так впечатлил зрителей, что ставили только на нас. Я постаралась на славу, чтобы увеличить вероятность ошибки орудия. К нашей досаде, оно держалось целых двадцать ударов. Мы уже боялись, что получим сто тысяч призовых вместо двухсот по ставке.

В орникоптере я сняла туфли и коснулась скрытого датчика. Сапфировая шпилька сверкнула на прощание и со вспышкой исчезла в подошве, а колодка приняла форму балетки. Обычной лодочки из тех, которые носили шчеры. Шляпка с больной головы отправилась в сумку. Меня путали с минори. И просто с эзерами. Меня знали как обыкновенную шчеру и как диастимага. Я никого и никогда не разубеждала. Запутать след легче, если свидетели путают показания.

– Эмугла, ты не дома разве? – голос домовладелицы кусал меня за ухо через наушник. – Тут к тебе клиенты, трутся у мастерской.

– Клиенты?

– Я ведь просила не назначать тараканам после девяти, у нас приличный квартал!

– Простите, тётя Рунанна, я больше не буду, – я приложила усилия, чтобы выровнять голос. – Будьте любезны, передайте господам, что я в отшельфе. Да, у сестры. В Черновдовьем, да. Пусть оставят заявку, я потом... сама.

Кто-то. Что-то. Где-то. Проболтался. Хотелось в ароматный душ, но возвращаться в мастерскую я не стала, конечно. А вышла на станции пригородных воларбусов и взяла билет до отшельфа Златопрядный. После двадцати фокусов со ставками искать меня могли десятки таких же махинаторов. Было ещё кое-что. Это пахло паранойей, но царапало как песчинка в чулке. Ведь знала, что использовать идеи с Кармина опасно, но раз – Скути пришёл от неё в восторг, два – мы нарядили Крушителя Тарантулов в сварочные башмаки, и три – к моему порогу явились гости. Обычно эзеры не выстраивались в очередь с заказами к самоучке из неблагополучного района. Разве что за её шкуркой. Мою пустили бы на подделки модных туфель.

Перед прибытием воларбуса я вывернула пальто потёртой подкладкой наружу и расторожила юбку. Опустила край до земли, разделила плотный облегающий габардин на три свободных слоя попроще. Перчатки комом полетели в мусор. Что я не могла ненавидеть в тараканьих новшествах, так это иммерсивные панели на транспорте. Орникоптер выглядел как колибри в ярком цифровом оперении, и она дышала, трепетала, а на стоянке чистила пёрышки. А воларбус на пути к морю переделался в чешую водяного змея.

Черновдовий отшельф находился ближе к Эксиполю, но в Златопрядном, где скалистые берега резали гавань, жила Злайя. Воларбусы – безмоторные полупоезда на колёсах – ходили только до ближайшего хутора-дикои́мья. Там было наспех когда-то проложено энергополотно. Оно и заряжало воларбус, а вне дороги они были просто телегами. Раньше из Златопрядного выбирались морем вдоль линии берега, но эзеры запретили ходить по воде к городу. По земле добирались почти целую ночь.

«Остановка “Дикоимье Кыштля”, стоянка четыре секунды, – летел вдоль кресел голографический контролёр. – Пи-ип. Следующая остановка – “Дикоимье Вшитля”».

Я страхнула сон и потёрла глаза. В стекле воларбуса отражалось лицо фальшивой минори. На виске отпечаталась оконная рама, на щеке – складки рукава. Мне помахали, поймав взгляд в стекле:

– Привет, Эмбер, – приятель, спохватившись, подавился буквой «б» и проглотил остальное.

– Привет, Онджамин. Опять сдавал кровь?

– Что, так уж и видно?

– Видно – не то слово.

– Злайе только не говори.

– Она медик.

– Она ветеринар.

Я только покачала головой. Худые, бледные, до и после смен, шчеры всё равно везли последние силы в город. Онджамин работал агротехником в отшельфе, но близилась зима, и траты росли, а до сбора урожая был ещё месяц.

– Цену токенов на путешествия опять подняли, – Онджамин присел рядом. – Я сдал-то стаканчик всего, чтобы долг отдать. Злайе пришлось заказать переноску-токамак для какой-то зверюги. Рассчитывал, что сразу устроюсь. А теперь вообще ни в чём не уверен.

– Тут стаканчик, там стаканчик.

– Кровь до сих пор самая прибыльная сделка, – равнодушно сказал приятель. – И для неё не нужно получать визу на пребывание в городе.

– Это они нарочно так сделали. За квалифицированный труд платят меньше, чем андро-идам. Уж лучше у магнума выпросить подработку.

Онджамин только закатил глаза:

– Невозможно стало на Джио работать, самодур и злой как чёрт. Тараканьё не лучше, но и не хуже. – Он оглянулся, но другие пассажиры дремали. – Наши, кто уехал в город, не вернулись. Вот и ты же прижилась?

– Ну привет, я ведь не кровь сдаю. Кто едет в Эксиполь и думает прожить на донорстве, быстро понимают, что кровь – не лёгкие деньги. Знаю я таких, которые всё, что заработали, отдают реаниматологу, а потом обратно в отшельф. Это если примут ещё, а то и совестно, вот и не возвращаются. Перебиваются нелегалами до первой проверки. Или в бордель.

– Да я не понимаю, что ли? Я на собеседование ездил. Контролёром ботов на склад. Только визу мне дали на три часа всего. На собеседования всегда на три часа дают визу в город. Приехал в офис, а мне на стойке: ждите. Через полчаса: ждите. А потом спускаюсь к стойке опять, а собеседование, говорят, перенесли. На вечер. Я говорю, у меня виза закончится через час, а они: нам очень жаль, и прямо я вижу, как им жаль, аж головы не поднимают. – Онджамин глотнул из термоса и вздохнул. – Попросил перенести, говорят, обнуляют заявку и заново в очередь. А я эту месяц отстоял! И вот как быть? Сдал кровь в автомате. Злой поехал на станцию. Или надо было рискнуть и дожждаться, не на лбу же у меня написано, что виза кончилась?

– Хорошо, что не стал ждать, Онджамин. Все визы отслеживаются роботами через турникеты на станции воларбусов. Даже те, кто пешком из города уходит или даже на воланере летит, им нужно сначала на турникете визу отметить. Иначе на год блокируют.

– Обложили, сил нет.

Я кивнула и отвела взгляд. Это я когда-то чинила турникет за сто зерпий. Хотя если бы и не я, то кто-то другой, какая разница кто?

– Ничего, второй раз на три дня оформляй заявку, должны дать. Как законопослушному. А если устроишься, на полгода дадут.

Так досадно стало, что финал чемпионата был не вчера. Онджамину не пришлось бы сдавать кровь. Я достала наличные пластинки.

– Вот. Закажешь батарей для жилых комплексов.

– Это мне?

– Это отшельфу.

– Да ты что! – он пересчитал зерпии, прикрывая их воротником. – Да тут лет на сто!

– Свой дом можешь не греть, если гордый. Мой согрей. Но учти, я Злайю тогда заберу к себе и выдавать буду по средам и субботам за токены.

Просверлив меня синими глазами, приятель спрятал деньги подальше. Он понимал, что надо взять, ведь зима – не шутки. А я своя, и дело тут не в гордости. Их диастимаг забросил дела после контузии, и седьмой год Онджамин Оак был за старшего.

– Эмбер... Ладно, не хочу знать, как они тебе достались. Но как я объясню людям?

– А я как?

«Остановка “Дикоимье Вшитля”, стоянка четыре секунды», – прервали нас.

Выскочили уже на ходу и по лодыжки утонули в тёплом песке. На меня в отшельфе смотрели косо за то, что работала на эзеров. Среди эзеров. Хотя удавалось пока скрывать от своих, что мастерская принимает заказы только у пауков. На самом деле за полудохлую технику шчеров я не брала денег, а жила только за счёт насекомых.

До Златопрядного было час пешком прогулочным шагом. Уже пахло солью и амброй, чувствовалось море. Мы сняли обувь и грели пятки по-утреннему тёплой тропинкой. Дальше начинались норковые луга, они были словно мех на ощупь, и я не стала надевать туфли. Приезжая в отшельф, я радовалась его свободным просторам, как ребёнок на каникулах, и возможности одичать хоть на пару дней.

– Ну, скажи что выхлопотал дотацию на развитие отшельфа, – предложила я.

– Но её ведь так и не приняли. Сейм отложил.

– А кто об этом знает? Я только вам со Злайей рассказываю городские новости. Эзеры выслуживаются перед империей, поэтому в передовицах только популистские предложения от ассамблей.

– Ты великий враль, Эмбер Лау, – поддел Онджамин и заметно повеселел.

– Знаю.

Он мне нравился, дельный Онджамин ни дня с начала вторжения не дал Злайе отчаяться, бросить любимое дело. Она ни разу не сдавала кровь. Теперь вот крутился, ездил в город, чего раньше добропорядочный шчер и помыслить не мог. Но полезные навыки наших мужчин оказались не нужны насекомым. Их технологии ушли далеко вперёд. Зато они охотно нанимали женщин из тех немногих, кто учился перспективным наукам. Злайю с её опережающей ветеринарией оторвали бы с руками или даже переучили на фельдшера, но Онджамин не пустил бы жену в город. Да она бы и сама не поехала. Во-первых, как же без неё в отшельфе зверофермы? А во-вторых, они с мужем хотели ребёнка. И хотя с нас уже год как сняли ошейники, но только вдали от насекомых безопасно было растить детей.

Не описать словами, что такое отшельф. Сойдя с норковой травы, мы шли по плантациям. Первыми росли молокабовые деревья. Издалека они напоминали мёртвый лес, но молокабы не разменивались на листву, а всю силу отдавали сочным и сытным белковым ягодам, которые густо покрывали ствол и нижние ветки. Между ветками плавали птички-снырковки. Их скользящий, текучий полёт иначе и не назовёшь: не птахи, а лесные рыбки. За плантацией лежали поля пишпелий. Их округлые бутоны, полные икры, висели над сливными каналами, такими чистыми, что там росли кораллы. Спелые пишпелии лопались и выпускали в воду живых мальков. А те плыли по каналам прямо на рыбную ферму. Над холмами планировали тяжёлые кунабулоптеры с культиваторами на носу и другие машины для работы в поле. В городе невидимые провода простых орникоптеров давно изолировали силовыми рукавами, чтобы не ранить крылатых эзеров. В отшельфах жили только пауки, они всё оставили как было.

– Всё хочу дойти до Пропащего оврага, – призналась я.

– Ты уж седьмой год так говоришь, а чего же всё не дойдёшь?

– Дойду.

– Смотри, Джио его разровнять собирается. Тоже седьмой год, вот и думай, кто из вас скорее успеет.

Показались жилые дома. В гористых отшельфах шчеры не строились на фундаментах и не копали глобоворотов, а использовали скалы, занимали холмы и обживали всякие дебри, какие создавала природа. Дома в Златопрядном были похожи на высокотехнологичные ласточкины гнёзда или термитники (шчеры ненавидели это сравнение теперь) с лабиринтами ходов и целыми микрорайонами внутри. Снаружи утёсы сверкали панорамными балконами из фотохромного стекла, жидкокристаллическими куполами залов и солнечными батареями, вверх по скалам носились элеваторы, чистильщики, ремонтные автоматы, роботы с доставкой из закусок. А мастерские, торговые склады и павильоны, фабрики и лаборатории ютились внизу, на предгорье. Долина приподнимала нарядный кринолин лугов, и под ним, словно под толстым широким ковром, работали шчеры. Дополнительный свет поступал из искусно вырезанных люков прямо посреди разнотравья, и цветы склонялись к окнам, чтобы посмотреть на нас. Если в городе и до озёров не церемонились с природой и гнули её под себя, то в отшельфах прогибались под природу, но она отвечала добром стократно. Это ценили даже насекомые. Они не совались в отшельфы с самого начала, а теперь покупали там свежее мясо, морских гадов, специи, узорчатые ткани, овощи и фрукты. И даже чистую воду. Раз в неделю в Златопрядный прилетали грузовые воланеры и скупали добро по грабительским ценам. Но и шчеры получали возможность раздобыть и приспособить их высокие технологии. Те и другие ненавидели друг друга и расплачивались виртуально.

Онджамин отправился заказывать накопители для жилых комплексов, чтобы зарядить энергоблоки на зиму. В равнинных отшельфах из таких блоков строили дома целиком, а здесь обшивали изнутри. Они заряжались лет на пять-десять и давали свет, тепло, связь и всё, что требовало энергии. Но аккумуляторами озёров их можно было обеспечить электричеством на целый век вперёд. Насекомые, для которых сто лет ничего не стоили, прогадали с ценой. А может, им было всё равно.

Глава 5. Битый пиксель

Злайя нашлась в ветеринарной клинике, посреди кабинета с воющими, каркающими, лающими, свистящими, чирикающими клетками и одной наглухо застёгнутой переноской в углу. Как только я ступила на порог, переноска зарычала. Она делала так третий месяц. И я третий месяц не решалась спросить, что там внутри: у меня уже был печальный опыт с одним мешком. Склоняясь над огнеупорным столом, Злайя раскладывала ветки молокабы. Злайя чем-то напоминала Язаву, такая же серьёзная, русоволосая и крепкая, она не выносила ни суеты, ни безделья.

– Ты посреди недели, Эмбер? Гнались за тобой? – пошутила она и приподняла лицевой щиток рабочей маски. – А чего это Онджамин не показывается? Я знаю, что вернулся. Небось кровь опять сдал?

– Он...

– Опилки мне дай скорее.

Просьба избавила от необходимости покрывать беднягу Онджамина. Я нашла мешочек с обыкновенными древесными опилками и ждала у стола, гадая, следовало ли и мне облачиться во что-то огнеупорное. Злайя водрузила на стол небольшой металлический цилиндр и откинула крышку.

– Позавчера привезли токамак, – пояснила она. – А то бы и не выжил.

– Кто?

– Сейчас сама увидишь.

Она запустила руки в переноску-токамак и с осторожностью уранового шахтёра достала оттуда тельце, бархатистый комочек размером с кулак. Он не шевелился, пока Злайя опускала его на ветки молокабы. Комок лежал на них, как на маленьком ритуальном кострище. Я уже отогнала эту мысль, а Злайя зачерпнула опилок из мешка, щедро посыпала ими тельце, оглядела... и... подожгла!

– Я думала, мы пообедаем в кафе! – вырвалось у меня. – А не прямо тут.

– Ха-ха, смотри, как бы он сам тобой не пообедал.

Зверёк в огне зашевелился, подтянул затлевшие ветки и встал на них, как новорождённый жеребёнок. Чихнул и послал в нас клубок саж и пепла. Невероятно: жалкий комочек в центре костра дрожал и вертелся на обугленных ножках. А потом затопал по столу. Пламя металось по столешнице. Злайя натянула силовые перчатки, взяла зверька прямо вместе с ветками и опилками и перенесла в токамак. Потом открыла какой-то пузырьёк, встряхнула и передала мне:

– Будь другом, сделай лёгкую воду, а? Только не переборщи, мне пар не нужен.

Я сняла городское кольцо, блокирующее диастимагию, взяла пузырьёк и через секунду вернула Злайе. Вода в верхней части поделилась на короткие отрицательно заряженные цепочки по четыре молекулы. Злайя отлила половину из пузырька в токамак поверх огня. И захлопнула крышку прежде, чем кабинет разнесло бы взрывом. Тороидальная камера с магнитными катушками надёжно запирала пламя в своём поле и поддерживала плазму часами. Стало тихо. Злайя удовлетворённо улыбалась и поглаживала токамак.

– Это фламморигама.

– Была, – уточнила я.

– Они живут на Острове-с-Приветом, горят на ветках игниевой силвесты. Те способны тлеть годами. Но здесь не растут. Фламморигамы – плазменная форма жизни. Тот комочек был сердцем, а его тело – всегда костёр. Представляешь, стадо взрослых фламморигам выглядит как лесной пожар.

– Так вот зачем тебе токамак. Он позволяет фламморигаме жить без игниевой... как?

– Игнiewiczой сильвесты. Жить и не поджечь тут всё, – добавила Злайя. – Фламморигам запрещено вывозить с острова, но что остановит тараканов? Этого держал у себя какой-то эксцентричный чиновник, потом уехал или пропал, что ли. Зверёк чуть не спалил дом! И слуги не нашли ничего лучше, как подбросить его нам.

– На Остров-с-Приветом никто в своём уме не сунется, – согласилась я.

– Естественно. Малыша привезли в огнеупорном контейнере, по пути он истратил топливо и чуть не умер. А я подсовывала ему веточки днём и ночью, потому что даже каменный уголь он не умеет встраивать в тело. И вот: пришлось купить токамак. Онджамин зря продал кровь, но ругать я его не стану. Я бы сама лучше продала стакан-другой, чем погубить фламморигаму.

Она подключила токамак к системе вентиляции, чтобы отводить дым. Кабинет тоже пропах костром, но вдоль стен тянулись трубки с мицелием, и воздух, проходя по ним, оставлял токсины в грибнице. Потом Злайя с лаборантами собирали грибные тела и вытягивали из них яд для лекарственных препаратов. Готовая химлаборатория и превосходный кондиционер. Мы прошли мимо рычащей переноски и отправились на поздний завтрак. Любимый ресторанчик умещался на краю утёса, нависшего низко-низко над широкой рекой. Она текла по краю обрыва, а за его бортиком, ещё на ступень ниже, начиналось море. Мы сидели словно на вершине исполинской водяной лестницы и пили пряный лиловый чай, тронутый сахарной пудрой. Когда с ним было покончено, я достала пачку зерпий, уникальные номера на которых можно было использовать и при виртуальных платежах.

– А я тут привезла вам премиальных немножко. Обменять на арахмы не успела, правда.

– Немножко? Я не могу столько взять.

– Это грязные деньги, Злайя, бери, – злорадно пошутила я. – Считай это сделкой с совестью: я отдала эзерам Тритеофрен, а теперь отдаю шчерам их деньги. Так пойдёт?

– Ну, раз так, то пойдёт, – подумав, усмехнулась Злайя. – В больницу отдам, там сестра Онджамина как-нибудь оформит.

Подали искусственные ляжки кузнечиков с овощами. Дымка над рекой дразнила аппетит радужными бликами. *Радужными* как в начале конца на Кармине. Я одёрнула рукава, чтобы прикрыть мурашки, и подставила лицо солнцу.

– Говоришь, что ни в чём не нуждаешься, но не выводишь шрамы, – проворчала Злайя. – Ты должна потратиться на лицо в следующий раз.

– У меня есть деньги. Я не хочу.

– Знаешь, тогда, когда ещё ничего не случилось... никто, конечно, тебе не говорил, но ты была одной из тех девчонок, на которых взглянешь и думаешь: вот бы мне её волосы, фигуру, мозги и лицо. И лицо, Эмбер. Я хочу, чтобы тебе опять все завидовали.

Она была всего на два года меня старше и даже на полголовы ниже, но иногда очень напоминала маму. И тоже знала обо мне всё. Всё. А я чувствовала на себе весь груз ещё не прожитых веков, отмеренных диастимагу, и заботилась в ответ, как о родной сестре.

– Один эзер сказал, что шрамы меня не портят.

– Эзеры не знали тебя без них, – спорила Злайя.

– А я не помню себя без них. Шрамы – это я. Новая смелая и пуленепробиваемая я. Когда мне страшно или больно, я смотрюсь в зеркало и вспоминаю, как бежала от чуйки-многоножки.

– И почти убежала.

– Почти, – согласилась я. – Но довольно-таки далеко.

– Ты романтик, а я практик. Шрамы приметные, а *он* на свободе. Вот что я ещё думаю, – продолжала Злайя. – Нас не могли освободить без санкции минори. А это значит, он тоже ставил подпись. Вдруг он на Урыюи? А эта Пенелопа – она вроде улетела? Кто спрячет тебя, если вдруг?

А вот это я зря ей рассказала. Да, Пенелопа с Крусом отложили личинку и нанялись на Роркс. В Миргизе, где они жили, было небезопасно с детьми с тех пор, как сняли ошейники. Я осталась сама по себе. Но бояться без перерыва невозможно, а если страх заставляет бежать, то осторожность превращается в обыкновенную трусость.

– Не накручивай, – пробурчала я. – Подписям полтора года. Ты даже не представляешь возможности Кайнорта Бритца: нет, останься он здесь, горы бы свернул, чтобы напаялить мой труп на шпиль ассамблеи.

Мы молча доели эрзац кузнечиков, в мыслях продолжая препираться. К заливу подтянулись низкие слоистые облака с редкими барашками, и над морем возникло будто бы ещё одно. Волны так плескали в утёс, что лизали тучи. Я знала: Злайя обязательно спросит, почему я не живу здесь. По узкой полоске речного берега растянулся караван хортупотамов, стальных крабов-садоводов. Они носили на спине овощные грядки и клумбы. Эти шли вслед за солнцем из Кыштли во Вшитлю и на полпути завернули к нам, чтобы полить рассаду. На столик рядом грохнулся рюкзак. Отчаянная долговязая выдра с флюоресцентно-зелёными волосами плюхнулась рядом. Дочка магнума Джио явилась такая разъярённая, что казалось, она будет кидаться едой. Хотя бояться следовало не печёных сверчков под сыром, а диастимагии суида в исполнении великолепной Бубонны.

– Я держу себя в руках, – громко произнесла она, чтобы успокоить нас, и закурила.

– Отец узнал, что ты опять в город ездила? – посочувствовала я.

– Ага.

– Не успела вернуться до рассвета?

– И не собиралась! – взорвалась Бубонна. – С ним же невозможно! Отдельно жить? Здесь? А где работать? Вон Злайя меня звала, так я же неспособная к учёбе. Хортупотамов пасти, что ли? И от земли воротит, не моё до тошноты. Пшолл обещал устроить танцовщицей в Эксиполе...

– Пшолл?

– Ну, там, жук один. Не важно. Просто знакомый. – Она шмыгнула и закурила новую. – Так вот, он обещал устроить на непыльную, а в клубе у его приятеля мне от ворот поворот: не берут шчер. Нет, главное, шчеров берут, а шчер – нет! А?! Чуть им там весь «Тессераптор» не разнесла. Это клуб то есть.

– Ты сняла кольцо при эзерах? – не поняла Злайя.

– Для суидов нет колец, – вытаращилась на неё Бубонна, – мы в городе под запретом вообще. И Пшолл себе нос из-за меня разбил, так что с ним мы тоже разругались... В общем, полный абзац. А тут ещё папенций мне выволочку. Ненавижу.

Она отвернулась от моря и послала неприличный жест в сторону сияющей скалы магнума. А потом набросилась на печёных сверчков. Их готовили здесь только для неё, в обход новым правилам, которые запрещали шчерам есть насекомых. Повар пораскинул и решил, что новая власть – там, а вспылчивая заноза Бубонна – вот она. Татуированной с ног до головы Бубонне, поэтессе и художнице, и до войны приходилось туго в практичном отшельфе. Сферы услуг и развлечений пришли в окончательный упадок с приходом эзеров, и шчерам творческого склада пришлось совсем туго. Жизнь потихоньку выравнивалась, но я уже не раз слышала, что магнум Джио в последние годы стал невыносим.

– Слышала – «Тессераптор»? – заиграла бровью Злайя. – «Четырёхкрылый».

– Смеёшься? Семьсот тысяч видов насекомых имеют четыре крыла.

– Всё равно. Чего все рвутся в этот Эксиполь? Там ты человек второго сорта. Перебирайся сюда насовсем.

– Джио её не пустит, – вмешалась Бубонна, успеваю жевать и отрывисто говорить между затяжками. – У него бзик. То есть бзики. Он не выносит других диастимагов в своём отшельфе.

Это раз. А ещё она из рода Лау, один из которых профукал Тритеофрен, а второй удрал на Алливею. Без обид. Это два и три. А ещё она шесть лет жила в городе, путалась с эзерами и...

– Я не путалась с эзерами.

– Ну, зналась, – безразлично поправилась она. – Для папенция тот, кто ездил в Экси-поль по трёхчасовой визе, уже наполовину таракан. Это сколько у нас, четыре? Ты сможешь остаться, только если станешь примулой. Вот тогда тебе и магнум не указ.

Я не ответила. Бубонна за соседним столиком погрузилась в свой завтрак и перестала обращать на нас внимание. Злайя давно умыла руки насчёт меня и примулы и просто молчала личиночную тарталетку. Нет, я не стремилась управлять, вдохновлять, гонять клеврей и быть в центре внимания. Реальной властью в отшельфе обладали только магнумы. В Эксиполе, среди равнодушных эзеров, я была сама по себе. Кольцо аквадруу защищало эзеров от меня, а меня от них, и худой мир вполне нас устраивал. Мало ли какого сорта *человеком* меня считали *насекомые*? Это была моя планета, мой город и моя мастерская в нём. Самое страшное, объясняла я Злайе, примулам не до мехатроники, а доступ к передовой робототехнике – в городе. И к сапфировым туфлям тоже. Да, я полюбила красивую обувь и особенно шпильки, которым не место на пашнях отшельфа. Но сильнее всего желание связываться с примулой отбивал ритуал. Претендентке приходилось доказывать перед магнумом и людьми, что она достойна. Давался один шанс. Ритуал был красив, не слишком опасен (так и говорили, «не слишком»), но унизителен. При одном взгляде на зеркальные воды Ухлур-реки, дно которой устилали самоцветы, хотелось бежать в Пропаций овраг. Однажды я подробно прочла о ритуале и поставила точку.

– Задела тебя Бубонна? – пробормотала Злайя, вглядываясь в мои сжатые губы. – Джио самодур, ты же не виновата, что твой дядька и все, кого он сподвиг бежать с Урьюи, так и прижились на Алливее. А какие речи толкали! Да мы... да мы создадим фронт диастимагов, мы ударим, когда они не будут ждать, мы всех освободим... Их и отпустили. Но уж конечно, хотят ли бессмертные гореть за нас? Разве что сумасшедшие вроде Джио да тебя, да ещё... которых по пальцам пересчитать.

– Бубонна... умеет она коротко и без обиняков. Да, я вместе со всеми ждала дядю Лешью и Волкаша с ответным ударом. А теперь знаешь что? Я больше не хочу войны. Только не здесь. Мы только дышать начинаем, и опять? Не будет лёгкого пути, злодеев побьют только другие злодеи. Я их видела. Я тоже им была. Мы согнули злодея силой, но нельзя поставить его на колени не испачкав руки. Можешь мне верить, я поставила. И что натворила потом? И если опять война, достанется не только тем, кто виноват, не по адресу, а всем подряд. Прайд Сокрушителей взять: они своих не пожалели, а нас пожалеют? Об имперских методах вообще молчу. Может, и лучше, что нас просто оставили в покое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.